

Автор – Наталья Демчик
8 965 116 04 58
demchikn@mail.ru

НАТАЛЬЯ ДЕМЧИК

РОСКОШНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Комедия в двух действиях

АННОТАЦИЯ

Роли: 6 жен., 1 муж.

У богатых свои причуды, вот и возомнил себя миллионер из королевства Сан-Мартино вторым Львом Толстым. Для творческого вдохновения «одинокому тульскому ковбою» мистеру Кингу не хватает малого — Музы. Но для того, кто владеет миллионами, это не препятствие. Объявлен необычный кастинг, и «плохие девушки» поведут отчаянную борьбу за право стать законной супругой новоявленного гения...

Спектакль по пьесе «Роскошные женщины» в постановке Крымского академического русского драматического театра им. М.Горького - лауреат фестиваля «Славянские театральные встречи» в Брянске.

Из рецензий:

«...Еще смешнее становится от того, кто волей драматурга явился на этот кастинг. Деревенская до мозга костей Аграфена, путана (она же учительница) Люба, челночница и торговка Нина, молодая беременная Таня и женщина в летах, которую зовут Софья Андреевна, а похожа она на супругу великого писателя как две капли воды... Постановка движется от одной исповеди к другой, с кратковременными паузами для передышки. Это не только кастинг несчастных женщин, увидевших спасение в возможности прилепиться к зарубежному денежному мешку. Это и соревнование актрис: кто возьмет зал, кто окажется драматичнее и проникновеннее, кто лучше освоит острый рисунок, предложенный режиссером». Сергей Пальчиковский, критик

«Даже Дженифер, сухая и чопорная английская дама, чем-то похожая на ходячую логарифмическую линейку, открывает душу этой странной компании совершенно незнакомых людей, признается в безответной любви и плачет, «как наша» женщина, — горько, открыто, навзрыд, а не сдержанно и незаметно, как «ихние» леди. Ей, конечно, тут же наливают рюмочку, и... происходит полное братание, то есть сестри... Как же правильно-то? Да неважно! Просто все они — вместе отлично друг друга понимают и, самое главное, миллионы долларов, ради которых они и пришли «соревноваться», оказываются никому не нужными». Галина Вербицкая, критик.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЛАЙОН КИНГ

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА

НИНА

ЛЮБА

АГРАФЕНА

ТАНЯ

ДЖЕНИФЕР

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Просторный холл в культурном центре. Столик, пара кресел, банкетка. На стене совместный портрет Льва Толстого и Софьи Андреевны. Под ним – красочная реклама замороженных блюд-полуфабрикатов. Картинки с блюдами дополняются рекламной надписью: «Полуфабрикаты – быстро и легко!» Слева дверь, над дверью сигнальная лампа.

Появляется Дженифер. Это сухощавая, коротко стриженная иностранка в очках без возраста. Одежда в стиле унисекс (комбинезон) подчеркивает ее мужеподобность. Дженифер деловито осматривается. Пристраивает возле стола большой пакет для мусора. Затем крепит с помощью степлера на обитой двери плакат со словом «КАСТИНГ». Неожиданно ранит степлером палец, и у нее вырываются ругательные английские слова. Убедившись, что все готово для проведения мероприятия, Дженифер исчезает за дверью. А в холл уже входит Аграфена с вместительной продовольственной сумкой. Одета Груня в деревенское цветастое платье, поверх него мокрый дождевик, на ногах - резиновые сапожки. Женщина всматривается в портрет четы Толстых, кланяется ему в пояс.

АГРАФЕНА. Слава Богу, успела.

Аграфена снимает грязные сапоги, извлекает из сумки туфли, переобувается. Затем направляется в подсобное помещение за сценой и возвращается с ведром и шваброй, вытирает за собой следы.

Появляется Нина. Она не столь корпулентна, как Аграфена, просто женщина «в теле». Недостатки Нининой фигуры были бы не так заметны, если бы она, сорокапятилетняя женщина, не обрядилась по последней молодежно-турецкой моде – укороченные джинсы, оголенный живот, кофточка-гольфик с вырезом в форме сердца на груди. На голове – блондинистый парик.

Нина также задерживается у портрета четы Толстых.

НИНА (*портрету*). Ну, здрасьте вам.

АГРАФЕНА. Здрасьте.

Аграфена уносит швабру, затем начинает переодеваться. Достает концертный, расшитый народными узорами сарафан и кокошник. Пробует голос. Нина смотрит на Аграфену во все глаза.

НИНА. Вы тоже... на кастинг?

АГРАФЕНА. Ага.

НИНА. Я думала, из этих.

АГРАФЕНА. Нет, это я за собой следы протерла.

Переодевшись, Аграфена извлекает из сумки съестные припасы – баночку малосольных огурцов, хлеб, копченую грудинку. Разворачивает газетку, нарезает на ней грудинку.

НИНА. Тогда будем знакомиться. Я – Нина.

АГРАФЕНА. Аграфена.

НИНА (*обеспокоено*). А что, разве в народном костюме просили?

АГРАФЕНА. Нет. Просто я в клубе всегда в этом выступаю. (*Протягивает Нине бутерброд.*) Хлебушка с копченой грудинкой хотите? Своя, домашняя.

НИНА. Не могу. Фигура.

Нина берет бутерброд, с аппетитом ест.

НИНА. О, огурчики! Еще бы чесночку... Но, боюсь, заморский жених завянет.

(Указывает на сапоги.) В деревне живешь?

АГРАФЕНА. Возле самой Ясной Поляны. С утра ливень прошел, дорогу развезло, грязь... Еле добралась.

НИНА. А всех нас сколько добралось, не слыхала?

АГРАФЕНА. Видать, секрет.

НИНА. Ничего, прорвемся!

Входит Люба. Это тридцатипятилетняя блондинка, претендующая на сходство с Мерилин Монро. Одета Люба в красный кожаный плащ и такого же цвета сапоги на шпильках. Парик как две капли воды похож на парик Нины. В руках у Любы пакет, внутри которого находится платье и небольшой вентилятор.

ЛЮБА. Кто крайний? *(Переводит взгляд с Аграфены на Нину.)* Ой, а я туда попала?

НИНА. На Софью Андреевну попробовать?

ЛЮБА. А вы... тоже...

НИНА. Что, не тянем?

ЛЮБА. Нет, я наоборот, рада.

НИНА *(критически оглядывая Любу)*. И я рада.

АГРАФЕНА *(указывает Любе на разложенную на столе еду)*. Угощайся. Все свеженькое. Вчера хрюкала.

ЛЮБА. Кто хрюкала?

АГРАФЕНА *(простодушно)*. Ну, не я же.

НИНА *(Любе)*. Бери, бери, от фигуры помогает.

ЛЮБА. Моя пока в порядке.

НИНА. Ты на что намекаешь?

ЛЮБА. А вы не тыкайте, не на рынке! Узнала я вас, узнала!

НИНА. А я и не скрываю. Вожу из Греции шубы и элегантную одежду. Работа, между прочим, умственная. Целые институты моды предсказывают, а что толку? А я в бутике номер двадцать восемь, пятый ряд, вторая линия, работаю как сапер: без права на ошибку.

ЛЮБА. Ошибку сделала я, когда купила у вас парик. Денег содрали за эксклюзив, а теперь мы, как близнецы!

Люба вплотную подходит к Нине.

НИНА. Размечталась! *(Сквозь зубы.)* Голливудская крыса.

АГРАФЕНА. Девчата, тихо, тихо...

Люба возмущенно качает головой.

Входит Таня. Юная красотка с хорошей фигурой, подчеркнутой облегающим платьем.

ТАНЯ *(Нине)*. Извините, женщина, а где здесь кастинг?

НИНА. Тормози, приехали. Женщина...

ТАНЯ. Нет-нет, мне кастинг на жену миллионера!

ЛЮБА. Сказано, здесь.

ТАНЯ. И вы все – туда?

Таня начинает хохотать и долго не может остановиться. Три остальных претендентки смотрят на нее с ненавистью.

ТАНЯ. Нет, у богатых, конечно, свои причуды...

НИНА. Эй, молодежь, кончай наглеж!

АГРАФЕНА *(протягивает Тане бутерброд)*. Съешь, поможет.

ТАНЯ. Я огурчик возьму, можно?

АГРАФЕНА. А чего ж нельзя.

Аграфена вдруг заинтересовывается газетой, на которой разложены продукты.

АГРАФЕНА. Ой, девчата, это же про нас! *(Читает.)* «Сегодня в культурном центре имени Толстого необычный кастинг. Претендентки будут соревноваться за право стать супругой миллионера и писателя Лайона Кинга...

ТАНЯ *(поправляет ударение)*. КИнга правильно! А Лайон – это Лев.

АГРАФЕНА *(читает по-своему)*. ...Лайона Кинга, который прибыл из небольшого королевства Сан-Мартино. Мистер Кинг мечтает повторить творческий подвиг своего кумира Льва Толстого. «Чтобы написать современную «Войну и мир»,

необходимо жить в собственной усадьбе в средне-русской полосе, пахать землю, тачать сапоги, класть печи, и, конечно, иметь такую спутницу, как Софья Андреевна», - убежден мистер Кинг. Все соискательницы прошли строгий предварительный отбор, и все они обладают многочисленными достоинствами Софьи Андреевны». Я не поняла, это какими ж достоинствами вы обладаете?

Все ошарашено смотрят на Аграфену.

В этот момент незаметно входит еще одна претендентка - пятидесятилетняя интеллигентная дама. Прической и выдержанной в старинном стиле одеждой она напоминает известные портреты супруги Толстого.

АГРАФЕНА. Со мной понятно. У меня четверо по лавкам, я еще столько рожу и не вздрогну. А вы ж городские...

ЛЮБА. Ну и что? Лично я шить умею.

НИНА (*указывая на портрет Софьи Андреевны*). Она еще и шила?

ЛЮБА. А как же. И себе, и приживалкам, и детское, а главное – мужу толстовки.

НИНА (*Любе*). Всего-то талантов? Ты в прорубь нырни, как я!

ТАНЯ. Она моржевала?!

НИНА. Зимой нет, но градусов девять – легко. Стресс снимала от семейной жизни с великим писателем. Кстати, а ты сама чем жениха завлекать будешь? Кроме хи-хи да ха-ха?

ТАНЯ (*выпрямляясь*). Мистер Кинг обратил внимание, какой у меня великолепный... (*выпячивает и без того большой бюст*) почерк.

ЛЮБА. Для переписывания, девушка, сейчас компьютеры есть.

ТАНЯ. А для пошива толстовок он Дольче и Габану наймет.

АГРАФЕНА. Какая габана? Кормить мужика надо! У меня, как у Софьи Андреевны, своя книга рецептов. Я из одних только грибов десять блюд состряпаю.

НИНА. А у меня зато муж бывший в районную газету стихи писал. К первому мая и ко дню космонавтики.

ЛЮБА. Ну и что?

НИНА. Опыт работы Музой имеется!

ЛЮБА. Ракету изображала?

НИНА. Если надо, то и ракету! (*Изображает памятник космонавту в предстартовое мгновение.*)

С милой на ракете
 Вот это – по мне!
 Хорошо бы участок
 Застолбить на Луне!
 И засеять ландышем,
 Мятой с чабрецом,
 Чтоб не больно падать
 В лунный грунт - лицом.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Вы напрасно спорите.

Все оглядываются на последнюю, пятую претендентку.

НИНА. А, пятый элемент? Тоже в нашу компанию?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Меня зовут Софья Андреевна.

Претендентки озадаченно переглядываются.

ТАНЯ. А по реалу?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Это мое настоящее имя. Толстовки и все прочее, конечно, хорошо. Но боюсь, этого не хватит, чтобы он написал хоть одну страницу.

НИНА. А с тобой, бабуля, он начнет строчить, как отбойный молоток?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Я профессиональный редактор. Довожу до публикации самые безнадежные опусы. Вы забыли, жена Льва Николаевича никогда не переписывала механически. Кроме того, у меня свободный французский, я с удовольствием сыграю с мужем в четыре руки на фортепиано, поддержу беседу на темы истории, философии... Кажется, я рассказала о себе достаточно?

НИНА. То есть, наши шансы пошли на танцы?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. А вы сами как думаете?

ТАНЯ. Я думаю, шансов у нас навалом! Потому что мужчинам легче смотреть, чем думать!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Красотки с длинными ногами есть и в Сан-Мартино. А он хочет повисить качество своей прозы. *(Кивает на рекламный слоган.)* Причем быстро и легко.

ТАНЯ. Чего он хочет, мы посмотрим...

НИНА. И на него поглядим. Кто видел живьем этого кота Мартына?

Люба жестом показывает Нине – тихо! Входит Дженифер. В руках у Дженифер пять папок и черный блокнот. Говорит по-русски с акцентом.

ДЖЕНИФЕР. Я прошу внимания! Добрый день. Лэдиз, мэйк э лайн, плиз! Построились в линия!

Все выстраиваются в линию перед Дженифер.

ДЖЕНИФЕР. Меня зовут Дженифер Томсон. У меня в руках ваши папки. В каждый файл находится ваш профайл, вопросы для интервью, ручка и блокнот с логотип фирма мистер Кинг.

АГРАФЕНА *(дергает Нину за рукав)*. Что за проф... профан?

НИНА. Фотка, наверно! Т-с-с!

ДЖЕНИФЕР. Особый внимание к вопросам. Пять номеров. Ваш взгляд на принцип семейной и светской жизни. Ваш взгляд на проблемы экологии. Глобализация – хорошо или плохо. Что вы думать по поводу выражение: загадочная душа – русский национальный брэнд. И последний пункт – хобби или увлечения, если есть. На каждый вопрос у вас будет пять-семь минут. Убедительная просьба – придерживаться регламент.

АГРАФЕНА *(Нине)*. Я ничего не поняла! Глобализация, это когда соль дорожает?

ДЖЕНИФЕР *(Аграфене)*. Что непонятно, можете спросить у меня.

АГРАФЕНА. Да мы о своем...

Дженифер подходит к Аграфене, сличает фото, вручает папку.

ДЖЕНИФЕР. Вы – первая. Аграфена. Головной убор, пожалуйста, снять. Вы должны выглядеть, как на фото.

Аграфена снимает кокошник.

АГРАФЕНА. Вот, сняла...

ДЖЕНИФЕР (*указывает на лампу над дверью*). Загорается лампа, вы заходить.

Андестенд? Поняли?

АГРАФЕНА. Как в районной больнице.

ДЖЕНИФЕР. Потом вы, Нина. Потом Лубов, Татьяна и вы, София.

Дженифер по очереди вручает анкеты Нине, Любе, Тане и Софье Андреевне.

АГРАФЕНА. Мистер Женифер, а можно я все-таки спрошу?

ДЖЕНИФЕР. Не мистер, а мисс!

ЛЮБА, ТАНЯ, НИНА (*переглядываясь*). Мисс?

Люба, Таня и Нина с трудом подавляют смехи. Софья Андреевна смотрит на них с осуждением.

АГРАФЕНА (*совсем растерявшись*). Ой, вы извините, я санмартинских женщин раньше вблизи не видела...

ДЖЕНИФЕР (*резко*). Какой вы хотите вопрос?!

АГРАФЕНА. Скажите, он – пьет?

ДЖЕНИФЕР (*с возмущением грозит перебинтованным пальцем*). Не надо мерить санмартинец общий аршин! Вы оскорбить мистер Кинг! Я записывать вам штрафной замечание в черный блокнот!

АГРАФЕНА. Ой... Просто, если пьет, я и заходить не буду....

ДЖЕНИФЕР. Пить – у вас! На Сеньке и Шапка гореть! Вот где соль зарыта!

НИНА. Правильно! Лучше журавль с маслом, чем синица на голову! А еще такой вопрос, что он любит? Ну, там, «Игру престолов», леди Гагу?

ДЖЕНИФЕР. Мистер Кинг любит русский ансамбль «Березка», кино про ковбоев и отдельно фильм «В джазе только девушки».

Люба резко делает шаг вперед и радостно бьет себя в грудь.

ЛЮБА. Ес! Ес!

Дженифер строго на нее смотрит. Люба сникает.

НИНА. А поновее что-нибудь? Ему сколько лет?

ДЖЕНИФЕР. Мистер Кинг жить долго, но с большим вкусом. Он – человек Возрождения!

АГРАФЕНА. А, ему уже нельзя? Ну, если (*характерным жестом щелкает себя по щеке*) опять двадцать пять...

ДЖЕНИФЕР. Что... что вы сказать? Плохое слово? Нецензурно?

Дженифер, покачиваясь, прислоняется к двери и мгновенно засыпает.

АГРАФЕНА. Батюшки! Что это с ней?

НИНА. Вроде, спит?

ЛЮБА. Всхрапнула!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*легонько трясет Дженифер за плечо*). Мисс...

ДЖЕНИФЕР (*резко просыпается*). Ой... (*скороговоркой*.) Жульен, фрикасе, прованский рататуй! Извините. Что здесь было? Кто-то сказать нецензурно?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Вам послышалось. Все – в рамках русской разговорной нормы.

АГРАФЕНА. Я сказала - если опять двадцать пять! Мой-то бывший квасил как...

Женщины шикают на Аграфену.

ДЖЕНИФЕР. Я недавно освоить новый курс ненормативный русский. Во сне. И теперь у меня рефлекс. Слышать плохое слово, немедленно...

НИНА. Хропака?

ДЖЕНИФЕР. Что?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Мы поняли. Вы сразу засыпаете. Мы этого не допустим!

ДЖЕНИФЕР. Я рассчитывать на вашу порядочность!

Дженифер уходит. В дверях останавливается и с фальшивой улыбкой обращается к претенденткам.

ДЖЕНИФЕР. Мистер Кинг желать вам в добрый путь и никогда не поздно.

(Поправляется.) Нет, лучше никогда, чем поздно! Никогда! Андестенд? Гуд. Хо-ро-шо.

Женщины согласно кивают. Как только за Дженифер закрывается дверь, они поднимают ее на смех.

ЛЮБА. Личико! Жульен...Фрикасе...

ТАНЯ. Ножки, походочка!

НИНА *(изображает походку Дженифер)*. Как в море лодочка!

АГРАФЕНА. Бумажки носит! К нам бы ее, в посевную!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Нельзя порицать человека за внешнюю некрасивость!

АГРАФЕНА. А штраф ни за что выписывать можно? Если там все такие красавицы, боюсь, водится за ним этот грех. Ничего, я сразу пойму, у меня глаз наметанный.

Мой так пил... вот портрет в черной рамке висит, и то от него перегаром разит!

НИНА. От водки угорел?

АГРАФЕНА. Нет, грибков поел.

ЛЮБА. Ты готовила?

АГРАФЕНА. А кто же еще? У нас в деревне ресторанов нету.

Пауза. Все внимательно смотрят на Аграфену.

АГРАФЕНА. Что вы, девчата, на меня так смотрите? Думаете, я...

В этот момент загорается сигнальная лампа над дверью.

АГРАФЕНА. Все вышло случайно...Мы дом новый мечтали построить, чтобы и окна большие, и чай на веранде пить... деньги копили, копили... А он их пропил, прокутил все, до копейки... Вы этим только не говорите, они не поймут! Но вы-то понимаете? Мы ж тут все, как подруги... по несчастью...*(поправляется)* по счастью! Почти родня...

НИНА. Я другого не пойму, Груня. Ты на самом деле дурочка или так хорошо притворяешься? Мы здесь не родня. Мы здесь – конкурентки.

Под строгими взглядами конкуренток Аграфена приближается к заветной двери, но вдруг оглядывается.

АГРАФЕНА. Девчата, как думаете, удобно на первом свидании попросить хотя бы сто их денег?

Поскольку дверь уже открыта, женищины выражают свои эмоции жестами и мимикой. Они дают понять Аграфене, что она ненормальная. Но она трактует это по-своему.

АГРАФЕНА. Мало?

Наконец, Аграфена исчезает за дверь.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Аграфена высматривает мистера Кинга. А вот и он – в холщовой рубахе и босой. Внешне напоминает известные портреты Толстого. От волнения Аграфена поначалу так жениха и воспринимает...

ЛАЙОН КИНГ. Гений мысли Лев Толстой

Мужичок был непростой!

По имени гулял он

Исключительно босой.

АГРАФЕНА. Ой, вы и частушки сочиняете?

ЛАЙОН КИНГ. В поле с плугом был удал,

Все имущество раздал,

И за графским, за обедом,

Братьев меньших не едал!

АГРАФЕНА. Складно! Совсем как у нашего завклубом, Ивана Федоровича получилось! Такой затейник, и на баяне, и непьющий, жалко, женатый. А давайте с вами хоровод водить? Я научу!

ЛАЙОН КИНГ. Давай хороводы!

Мистер Кинг послушно повторяет за Аграфеной несложные танцевальные фигуры.

АГРАФЕНА. Скажу сразу: светской жизни я не против. Только, чтобы все было по закону.

ЛАЙОН КИНГ. Конечно, по закону. Ты рассказывай, не смущайся, как сама, как дети?

АГРАФЕНА. Артемке уже девять. Большой парень вымахал, скоро меня догонит. Одежка на нем так и горит, сейчас в магазин зашла, кроссовки ему как на взрослого купила. И спортивный костюм надо бы, он у меня знаете, какой крепкий? Его старшие ребята уже на лесопилку берут, дрова красть.

ЛАЙОН КИНГ. А поймают? Да, зимой здесь не Майами.

АГРАФЕНА. Ой, как вы все понимаете. Чувствуется, освоились.

ЛАЙОН КИНГ. Так я ж писатель! Что умом понять не могу, то сердцем схватываю. Я вон дом строю, бетонные сваи - пять метров по сто килограммов - без присмотра на участке оставил. И уже на следующее утро понял: воровать в России трудно, но интересно.

АГРАФЕНА. Я про Артемку доскажу. У него слух очень тонкий, на трубе играет. Иной раз так за день набегашься, хочешь отдохнуть, а он ду-ду, ду-ду... А все равно на душе тепло: музыкант растет. И соседка уже два раза по ведру слив приносила, чтобы он потише. В общем, опора моя, пока я безмужняя. Младшеньких если надо приструнить, всегда поможет. Они погодки, пять и шесть лет, в казаки-разбойники начнут играть, так стекла вдребезги. А недавно сепаратор мой, прибор такой для перегонки молока, взяли да и разобрали весь. Им детали для костюма терминатора понадобились. Я только руками всплеснула: был сепаратор, стал терминатор.

ЛАЙОН КИНГ. В рифму!

АГРАФЕНА. Точно! Такие непоседы... Но вы не подумайте, уж я прослежу, вам дети докучать не будут. Закрывайтесь себе в подвале... *(подумав)* крепко-наглухо... и пишите, сколько хотите. Хоть том, хоть два...

ЛАЙОН КИНГ. Хоть и три напишем, не переживай. Детей, себя береги.

АГРАФЕНА. Еще дочка есть, Настенька. У нее тоже, как у Артемки, к искусству склонность. В клубе нашем танцует. С обувкой балетной проблема, ножка-то у нее с мою *(показывает)*. Так я ей из плаща старого тапочки скроила, она в них на пальчики приподнимается, ручки вот так делает... и как лебедь... *(подумав)* большая лебедь белая... *(Взмахивает руками под музыку из «Лебединого озера».)*

ЛАЙОН КИНГ. Так у вас и театр большой! В столице! Учиться дочке нужно! Обязательно!

АГРАФЕНА. Школа балетная в области, от нас туда конем не доскачешь, дороги сами видели... *(Тяжело вздыхает.)* Словом, помощница моя растет, и по хозяйству, и в лес по грибы... *(спохватывается)* ...хобби такое. Ей бы тоже сапожки новые, старые и года не проносила, малы. Куда ни посмотри, все надо, надо, а де... средств не хватает... Вот, мерки с собой ношу, беда с этими импортными размерами.

(Показывает вырезанные из бумаги детские следы.)

ЛАЙОН КИНГ. Дай-ка сюда... *(Берет в руки следы.)*

АГРАФЕНА. Зачем вам?

ЛАЙОН КИНГ. Я свои тоже привез! *(Достает из кармана набор бумажных следов в форме веера)*. Чтобы в «промтоварах» не растеряться. Сейчас перекрестный допрос устроим... *(Пытается соединить иностранные и местные следы.)* А по грибы не опасно в лес?

АГРАФЕНА. А кого там бояться? Вы что, в Сан-Мартино грибы не собираете? Я понимаю, почему вы оттуда бежите. Скучно у вас. Я по телевизору видела: в одном городке все жители по субботам играют в коровье бинго. Раскладывают на поле листы бумаги под номерами. На чей лист корова нагадит, тот и выиграл.

ЛАЙОН КИНГ. Правила только на первый взгляд простые!

АГРАФЕНА. Вот именно! Жди-пожди, пока корова в твою сторону соизволит. Вот у нас в деревне вы будете в выигрыше всегда! У нас экология что надо! А про грибы я вам так скажу: есть старый проверенный способ - краешек шляпки надламываешь и смотришь на цвет. А для надежности лизнуть.

ЛАЙОН КИНГ. А если лизнул и... мимо?

АГРАФЕНА. Если горчит... я вас научу. А что про мужа моего судачат... так то несчастный случай! Вы-то мне верите?

ЛАЙОН КИНГ. Конечно, верю!

АГРАФЕНА. Мне он приснился недавно. Так прощения просил-молил! Хоть бы раз при жизни такие слова!

ЛАЙОН КИНГ (становится на колени). Прости, Груня. За все прости. Вот, живой, невредимый перед тобой стою. Не узнала меня сразу?

АГРАФЕН (тоже опускается на колени). И, правда, не признала.

ЛАЙОН КИНГ. Я все запомнил, вот здесь записал! (Дотрагивается до головы.)

Дорогу в область, дрова на зиму, одежек детям прикупить. Все-все исполнять буду! Только ты улыбайся чаще. Не мне, так хоть этому завклубом, Ивану Федоровичу. Вот как сейчас.

Аграфена и мистер Кинг обнимаются.

ЛАЙОН КИНГ и АГРАФЕНА (запевают вместе).

На тот большак, на перекрёсток
Уже не надо больше мне спешить.
Жить без любви, быть может, просто,
Но как на свете без любви прожить.
Жить без любви, быть может, просто,
Но как на свете без любви прожить.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Женщины (все, кроме Аграфены) нервничают в ожидании своей очереди. Нина пытается подслушать у дверей.

НИНА. Кажется, поет.

ЛЮБА. Ой, а у меня голос сел... (Кашляет.)

Внезапно зверь открывается и появляется Дженифер. Женщины отходят.

ДЖЕНИФЕР. Кто хочет маленький совет?

Женщины дружно подбегают обратно к Дженифер, достают блокноты и ручки.

ДЖЕНИФЕР (*нервно*). Пожалуйста, не надо петь! Болшак, - я не могу это переводить. Зачем сеять лебеду на берегу?

НИНА. Щи варить.

ДЖЕНИФЕР (*переспрашивает*). Ши?

НИНА. Щи!

ДЖЕНИФЕР. Я же говорю: ши.

Женщины переглядываются, пожимают плечами.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Суп.

ДЖЕНИФЕР. Из сорняк?

ЛЮБА. А хоть из топора.

ДЖЕНИФЕР. Из топора? Это что-то особенное!

Женщины с важным видом кивают.

ДЖЕНИФЕР. Вы знаете рецепт?

ЛЮБА. Конечно.

НИНА. И я знаю.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Мы все знаем.

ДЖЕНИФЕР (*оценив женщин, обращается к Софье Андреевне*). Вот вы, пожалуйста, запишите. Лично для меня. Мистер Кинг любит русская кухня.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Может, еще традиционное блюдо? К праздничному столу?

ДЖЕНИФЕР. Да, мистер Кинг обожать торт из борща!

Женщины недоуменно переглядываются. Дженифер направляется к двери, но вдруг начинает принюхиваться.

ДЖЕНИФЕР. Я слышать запах неизвестный продукт! Я спрашивать, чей это продукт?

Женщины переглядываются, но молчат. Дженифер с подозрением косится на сумку Аграфены. Затем достает дезодорант и обрабатывает поверхность сумки.

ДЖЕНИФЕР. Я просить вас здесь не кушать. Еда здесь не место! Плиз, сложить этот пикник в мусорный мешок!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Один вопрос. Торт из борща... что туда входит?

ДЖЕНИФЕР. Несвежая рыба! Вы не умеете готовить?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Все-все, мы поняли. Селедка под шубой.

ДЖЕНИФЕР. Точно, конь в пальто! Пикник убрать! *(Себе.)* Рыба в верхней одежде! Каннеллони с горгонцолой...

Дженифер исчезает за дверью.

НИНА. Чудной они народ: еда не место, а рецепты собирает.

ЛЮБА. Так она для него! *(Просматривает вопросы.)* Ой, вопросы такие сложные...

Давайте лучше фильм этот вспомним. Про который эта цапля говорила. Как там начало? Мерилин Монро идет вдоль поезда...

Люба изображает знаменитую проходку Мерилин Монро.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Это уже потом. Сначала двое друзей музыкантов влипают в историю. За ними гонится мафия, и они внедряются в женский оркестр. Потом едут в поезде.

ЛЮБА. А что они там делают?

НИНА *(очередной раз прикладываясь к своей фляжке)*. Что можно делать в поезде?

ТАНЯ. Мерилин прячет свою фляжку за подвязку. *(Приподнимает платье, демонстрируя кружевные чулки.)*

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Главное, у них там возникают чувства!

НИНА. А, Монро влюбляется в ту, что на саксофоне.

ЛЮБА. Здрасьте! Он же в женском! Это он в нее влюбляется, а она думает, что это дружба.

НИНА. Соображаешь. *(Подсматривает в анкету Любы.)* Для школьной учительки это уровень.

ЛЮБА *(вырывает из рук Нины анкету)*. Я помню, как они на пляже. Тот, что на саксофоне, выдает себя за миллионера, сидит и смотрит на свою яхту, которая, естественно, не его. Мерилин бежит за мячом, а он делает вот так...

Люба нарочно подставляет ногу, и уже изрядно нетрезвая Нина падает.

НИНА. Ты что, блондинка?

ЛЮБА. Сама блондинка!

Нина угрожающе надвигается на Любу. Таня и Софья Андреевна становятся между ними.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Тише, тише! Я расскажу, чем эта история заканчивается. Глупенькая и жалкая в своем стремлении выйти замуж непременно за миллионера героиня Монро, наконец, узнает правду. Ее избранник – нищий музыкант. Зато он горячо любит ее. Хеппи энд.

НИНА. Как ты сказала? Глупенькая и жалкая? А мы тогда...кто?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Наш жених действительно богат. Король замороженных продуктов.

НИНА. Да пусть сам их ест! Пиарим себя перед ним...

ЛЮБА. Все пиарят. Тот, что с контрабасом, так себя как женщину преподнес, что ему даже настоящий миллионер предложение сделал.

НИНА. Точно! Но я же мужчина!

ЛЮБА (*разводит руками*). У каждого свои недостатки.

НИНА. Интересно, у него этот недостаток есть или тоже... в глубокой заморозке?

ТАНЯ. Я могу по руке определить. Меня бабушка научила.

НИНА. Я знаю, по носу...

ТАНЯ. Нос там на фотографии...

НИНА. Думаю, этой фотке лет двадцать, не меньше. Ничего, я ему тоже сюрпрайз приготовила. Вместо своей фотку старшей дочери послала.

ЛЮБА. А говорила, одна дочь...

НИНА. А зачем про старшую докладывать? Живет отдельно, у нее уже своих детей двое. А бабулям сюда нельзя.

Нина понимает, что проговорилась.

НИНА. Ой, чуть не сказала, никому не говорите.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Нина... Мне кажется, показываться в таком виде не имеет смысла.

НИНА. Не надо! Я когда по настоящему пьянею, начинаю перед любым мужчиной раздеваться. Даже, если он за дверью. А сейчас - никакого намека.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Из-за тебя он может решить, что мы тут все... любительницы за воротник.

НИНА. Так вы о себе печетесь?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Здесь каждый – за себя.

Открывается дверь, и выходит Аграфена. Все бросаются к ней с расспросами.

ЛЮБА. Ну, как? Высокий? Низкий?

ТАНЯ. Очень старый вблизи?

НИНА. Руки, руки какие?

АГРАФЕНА. Ни молодой, ни старый... Мужчина... Голова на месте, борода лопатой.

Кажется... На руки не глянула.

НИНА. Куда ж ты смотрела?

АГРАФЕНА. Девчонки! У него даже деньги есть! *(Мечтательно.)* И дом... почти достроенный...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Все ясно. Вопросы какие задавал?

АГРАФЕНА. Как вы относитесь к Галине Кузнецовой? Я еще удивилась, откуда он нашу Галку библиотекаршу знает? *(Софье Андреевне.)* А чего вы с ухмылкой?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Это был тест. Имелась в виду бунинская возлюбленная, которая жила в его доме вместе со своей возлюбленной.

ТАНЯ. Прикольно...

АГРАФЕНА. А жена куда смотрела?!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Вера Николаевна понимала, что он художник, и что он страдает.

АГРАФЕНА. Он еще и страдал?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Очень! Так и писал в дневнике: я как душевнобольной.

Опомниться, опомниться!... Но опомниться не мог долгих пятнадцать лет.

НИНА. И она терпела?!

Над дверью мигает сигнальная лампа.

НИНА. Да иду уже, иду! Жвачка есть у кого?

Все молчат. Люба находит в сумочке духи спрей.

ЛЮБА. Только духи. «Сладкий грех».

Нина берет у Любы флакон, подносит ко рту и использует как ингалятор.

НИНА (*кривится*). Из чего только не делают... (*Решительно*). Посторонись!
Пропустите меня к нему, я хочу видеть этого человека!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Нетрезвая Нина возлежит на медицинской кушетке, а Мистер Кинг в восточном халате делает ей массаж. Алкоголь, помноженный на стресс, сделали свое дело, и жених в представлении Нины «задвоился». Теперь это и ее греческий любовник массажист Архимед, и ее бывший муж поэт.

НИНА. Ой, грека ты грека! Что ты елозишь? Медленно, начиная сверху, не пропуская жировые депо!

ЛАЙОН КИНГ. Нина, тут платформа. Ты рассказывай, не отвлекайся.

НИНА. Значит так. Я вступила... Ой, вечно я... Я вступила... в пору зрелой пьянящей... женственности. Сопротивление бесполезно, пленных не берем. Слышал, Архимед? Сдавайся, пока не поздно!

Мистер Кинг с готовностью поднимает руки в знак капитуляции.

НИНА. Чего застыл, «эврика»? Уплачено! Давай, работай, по закону Архимеда после сытного обеда... Но все по порядку. После техникума я в планетарии работала. С телескопом. Я по оптике специалист. А между экскурсиями звезды так тряпочкой, тряпочкой до блеска начищала. Занималась прикладной астрономией. И была у меня одна любимая звездочка, я ей все-все рассказывала. Как первый на мне

не женился, как от второго хотела уйти, но пришлось любить дальше... Я тут у Цветаевой прочитала, пишет, что увлекалась мужчинами не только второго сорта, но и пятого, и шестого... Это она-то!

ЛАЙОН КИНГ. Небось, в Париже написала, там одни месье, а у нас все мужики – вон, орлы!

НИНА. Нам оставалась одна пересортица, сапсан мой ясный! В общем, звездочка все терпела. Но когда я вышла замуж за подающего надежды... *(уничижительно)* поэта, тут наша астральная связь и кончилась. Пришлось мне резко сменить ориентацию.

«Архимед» резко прекращает массаж.

НИНА. Только в смысле содержания семьи. И стала я ездить в вашу Грецию сначала в формате «челнок», а потом как менеджер по закупкам собственной фирмы «Эвридика». Где я была и за Орфея, и прибраться, а поэт только числился экспертом по меховым изделиям.

ЛАЙОН КИНГ. Нина, я не грек!

НИНА *(озадаченно)*. А кто ты?

ЛАЙОН КИНГ. Поезд «Афины-Барнаул» помнишь?

НИНА. Точно! Ты мне баул поднес! И деньги у меня тогда пропали. Из самого надежного хранилища. А как ты «сиртаки» танцевал!

ЛАЙОН КИНГ. Боги на Олимпе плакали!

НИНА. Значит, я – богиня! Тоже иногда слезы подступают. *(Слезает с кушетки, пошатываясь, делает несколько шагов.)* Идешь вечером по Салоникам, запрокинешь голову... *(Резко запрокидывает голову, и, к несчастью, теряет парик. Под париком – короткая стрижка «ежик» сиреневого оттенка.)* Пардон...

«Художник нам изобразил глубокий обморок сирени...»

ЛАЙОН КИНГ *(в шоке)*. Все-таки, вы сделали операцию? *(Подает Нине парик, приглядывается.)*

НИНА *(надевает парик)*. Не сбивай меня! Запрокинешь голову, а звезд на небе – видимо-невидимо... и моя звездочка среди них. И такая вдруг тоска накатит... *(с нажимом)* по родине... По простому земному счастью, что даже не верится, а есть ли оно... *(Смахивает слезу.)*

ЛАЙОН КИНГ. Есть, есть!

Мистер Кинг подвигает поближе к Нине большого надувного лебедя, и они усаживаются на него, как на детскую лошадку. Раскачиваются.

НИНА. Сидишь вот так на набережной, вглядываешься в их черное небо... Пока этот математик не заскучает... Да женщина я, женщина! «Художник нам изоб...» «Недомалеваны вуали»... Трудно приходилось. Зато и детей подняла, и метры кое-как поделили. Очень поэт съезжать не хотел.

ЛАЙОН КИНГ *(сочувственно)*. Претендовал, Лернейская гидра, на жилплощадь?

НИНА. Я говорю, ты, может, еще на острове, где Одиссей с нимфами отдыхал, квартиру выгадать захотел? *(Мечтательно.)* С отдельной спальней, встроенной стиралкой и видом на море? Не будет этого! А он взял и прямо к нам в дом свою новую пассию привел!

ЛАЙОН КИНГ. Женщину?

НИНА. Конечно, женщину! У нас нормальная семья была! Я, он и Архимед... не важно. И тут я заметила в его намерениях противоречие. Сам два несуразных стишка в газету тиснул, а издеваться надо мной хочет, как живой классик! Ну, я ему... *(Нина сцепляет руки на шее Лайона.)*

ЛАЙОН КИНГ. Нина, я не звал ее сюда, она сама навязалась!

НИНА *(прекращает душить жениха, слезает с лебедя, смущается)*. Ой, вы, может, не то подумали... Вас бить – ни-ни! Даже не сомневайтесь! Если, конечно, «Войну и Мир» напишете. А то ведь как бывает? Одни рукописи не горят, а другие... хорошо на воде держатся. Если вдуматься, вся наша жизнь из одних противоречий. К примеру, из нас пятерых фигура лучше всего у Татьяны, а раздеваться буду я. *(Делает попытку раздеться.)*

ЛАЙОН КИНГ. Нина, Нина! Тут набережная, греки ходят!

НИНА. Как кандидат в мои мужья, как проходимец... первопроходец средне-русской полосы, вы имеете право знать голую правду. Здесь у меня жировое депо. А, ты все видел...

ЛАЙОН КИНГ. Нина-джан, закрой личико, плечико... Как еще попросить?!

НИНА. Только не волнуйтесь! Сегодня вообще день плохой: индекс никей и тот упал. А про Бунина я вам так скажу. На слух, вроде сомнительно. Он любит ее, она любит другую... Но вам ли, санмартинцу, не знать: только такая любовь может

спасти демократию! (*Напевая мелодию «сиртаки», начинает раздеваться, как это принято в стриптиз-клубах.*)

ЛАЙОН КИНГ. Нина, я не санмартинец!

НИНА. А кто ты? Кто?!

ЛАЙОН КИНГ (*увлекает Нину за сцену*). Где тут фонтан в этих Салониках?

СЦЕНА ПЯТАЯ

Женщины (все, кроме Нины) снова столпились у дверей, пытаются подслушать. Внезапно появляется Дженифер.

ДЖЕНИФЕР (*с нарастающей агрессией*). Маленький совет!

Женщины дружно достают блокноты.

ДЖЕНИФЕР. Я вас просить без головной убор. Но, пожалуйста, не надо снимать всю одежду! Даже если у вас сложная и красивая фигура.

ТАНЯ. А если просто красивая?

ЛЮБА. Или просто сложная?

ДЖЕНИФЕР (*Тане*). Вашу красоту можно сравнить только с умом вашей подруги! (*Указывает на Любу.*)

ТАНЯ. Значит, я – некрасивая?

ЛЮБА. А я - дура?

ТАНЯ (*Дженифер*). Знаешь, что с тобой ночью в проходном дворе хулиганы сделают? Ничего!

Женщины шикают на Таню.

ТАНЯ. Все – цензурно!

ДЖЕНИФЕР (*Тане*). Замечание в черный блокнот! За интонацию! (*Любе*). Вам тоже!

ЛЮБА. А мне за что?

ДЖЕНИФЕР (*Любе*). Разговорчики! Второе замечание! Упасть, лечь, отжаться!

ЛЮБА (*опешив*). Что?!

ДЖЕНИФЕР (*сильно смутившись*). Ой, это повторилось... Извините... На сеанс гадания мне открылось, что в прошлой жизни меня звали прапорщик Синица.

Астральная чепуха... (*Ненатурально смеется.*)

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Конечно, чепуха!

ДЖЕНИФЕР. Но когда я сильно волноваться, из меня вылезать.

ЛЮБА. А вы не волнуйтесь. Это нам надо переживать. Мы замуж выходим!

ДЖЕНИФЕР. И на этот случай у вас есть хорошая поговорка: готовь сани летом, а честь смолоду! Все поняли?

ТАНЯ (*качая головой*). По реке плывет топор.

ДЖЕНИФЕР (*Софье Андреевне*). Кстати, не забыть рецепт!

Из-за двери слышен грохот. Будто кто-то падает, опрокидывая стол. Женщины тревожно переглядываются.

ДЖЕНИФЕР. Спокойно! Просто сирень снова упала в обморок. Я еще раз просить: есть конкретные вопросы. Один, два, три, четыре, пять. Мистер Кинг хотеть услышать точные ответы. Пять, четыре, три, два, один!

АГРАФЕНА. Это как? (*Скрещивает пальцы, не понимая, как стыкуются вопросы и ответы.*)

ДЖЕНИФЕР. Я требовать ожидать своей очереди в полная тишина! За нарушение исключать из кастинг! И, пожалуйста, меня больше не волновать! Иначе...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Мы поняли.

АГРАФЕНА. Либо ... (*прикладывает руки к голове, всхрипывает*)...

ЛЮБА. ...либо Синица проклюнется!

ДЖЕНИФЕР (*удовлетворенно*). Гуд. (*Себе.*) Ленивые расстегаи по-быстрому...

Дженифер с довольной улыбкой стучит по блокноту. Исчезает за дверью.

ЛЮБА (*передразнивая Дженифер*). Ну, Синица жжет! Один, пять, восемь...

Нарочно нас запутывает! Не нравится мне это...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Давайте помолчим.

ТАНЯ. Не буду я молчать!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Ты ведь уже схлопотала. Пожалуйста, тише!

С минуту женщины сидят молча.

ЛЮБА. Нет, я так лопну от напряжения!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Разговаривая, мы легко можем дойти до драки.

ЛЮБА. Есть нейтральные темы. Например, моя племянница вчера замуж вышла.

АГРАФЕНА. А у меня вчера ворона цыпленка унесла.

ТАНЯ. Я помаду новую купила. Цвет – тигровая орхидея.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Мне остается добавить, что вчера я провела несколько восхитительных часов в отделе редких книг.

ЛЮБА (*Софье Андреевне, с осуждением*). Обязательно было все портить? Давайте заново. Там, на свадьбе, желе подавали. Четыре слоя, и каждый отдельно...

АГРАФЕНА. Рецепт не записала? А то у меня всегда расклеится.

ТАНЯ (*затыкает уши*). Нет! Только не про готовку!

ЛЮБА. Вот этими словами ты только что ухудшила себе карму.

ТАНЯ. И не про кретинские гороскопы!

АГРАФЕНА. У меня от твоего крика аж в боку закололо.

ТАНЯ. И не про камни в печени! Тетки, я вас ненавижу!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Будет спокойнее, если мы вернемся к мужчинам. Я, например, более всего ценю в мужчине ум.

ТАНЯ. А мне лично своего хватает. Поколение такое.

ЛЮБА. В крайнем случае, «Алису» спросить.

АГРАФЕНА. А разве мужчины неумными бывают?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Попробуем иначе. Я думаю, каждой из нас есть что сказать, например, про этого актера... Джеймса Бонда...

ЛЮБА (*восхищенно*). Глаза...

ТАНЯ. Руки ...

АГРАФЕНА. Вся фигура...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Или этот утонченный пират Карибского моря...

ЛЮБА. Какой-то он скользкий...

АГРАФЕНА. Щупловат в кости.

ТАНЯ. Зато какие манеры! Я спас вас, а вы меня!

АГРАФЕНА. А жену с двумя детьми оставил! Ради молодой. Вот их манера!

ТАНЯ. С той, у которой дети, и брака не было. А тут - любовь...

ЛЮБА. Сто первая по счету! Вон невеста князя Монако из-под венца чуть не сбежала. Как про будущего мужа все разузнала.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Ее никто не принуждал. Вы повторяете досужие сплетни.

ТАНЯ. Ее в аэропорту охрана князя схватила! Паспорт отобрали и насильно во дворец! Обычное дело.

АГРАФЕНА (*утирая слезу*). То-то она на свадьбе рыдала!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Это - от предстоящей ответственности!

ЛЮБА. Я бы за принца ни за что не пошла! Ни за принца, ни за француза.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. А французы чем не угодили?

ЛЮБА. Переписывалась я тут с одним.

ТАНЯ. Это же известное дурилово!

ЛЮБА. Начиналось все очень даже романтик. «Где ты была всю мою жизнь? Если бы мне пришлось провести на необитаемом острове остаток моих дней, я не стал бы брать три вещи. Я бы взял только тебя, моя редкая жемчужина! Я люблю видеть, как загораются глаза женщины, когда она получает подарок. Скоро ты получишь от меня посылку...»

ТАНЯ. И что там было?

ЛЮБА. Духи, похожие на пробник, и цепочка, тонкая и короткая, буквально впивается в шею, как удавка.

АГРАФЕНА. Дареному коню...

ЛЮБА. «Ласточки уже давно прилетели, что же ты не летишь ко мне, мон амур?»

ТАНЯ. А ты?

ЛЮБА. «Дорогой Жан-Франсуа! Я бы хотела быть ласточкой и прилететь к тебе на собственных крыльях. Но у меня их нет, и мне понадобятся металлические...»

ТАНЯ. А он?

ЛЮБА. «Я купил пароварку, ты будешь есть одни овощи и клубнику...»

ТАНЯ. А ты?

ЛЮБА. «Дорогой Жан-Франсуа, я обожаю клубнику, но есть одно небольшое препятствие...»

АГРАФЕНА. А он?

ЛЮБА. «У нас официально продлен бальзаковский возраст! Как только ты приедешь, мы возьмемся за руки и так войдем в священные ворота Нотр-Дам де Пари...»

ТАНЯ. Так и не выслал на билет?

ЛЮБА (*качая головой*). Влезла в долги, сама купила и билет, и шляпо с хризантемой, сумку матрешек и полетела.

Женщины в ужасе ахают.

ЛЮБА. Нет-нет, это были лучшие четырнадцать дней с мужчиной в моей жизни. Никогда, ни до, ни после, я не испытывала ничего подобного. И даже те два года, которые я копила на возвращение долга, не заставили меня думать иначе.

На этих словах Люба разрыдалась.

АГРАФЕНА. Не надейся Рене на чужой портмоне...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Нельзя быть такой доверчивой!

ЛЮБА. А ты как будто не женщина!

АГРАФЕНА. Девчата, не заводитесь. (*Подслушивает под дверь.*) Что-то долго

Нина не выходит. Не к интиму ли у них там клонится?

ТАНЯ. Он джентльмен, деревня!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Джентльмен – всего лишь терпеливый волк!

ЛЮБА. Как же, терпеливый! Играли мы тут в эту сказочку на работе.

Софья Андреевна внимательно смотрит на Любу, берет со столика ее анкету.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Здесь написано, вы работаете в школе.

ЛЮБА (*сильно смутившись*). Уже нет. Отдайте!

Люба вырывает анкету у Софьи Андреевны. Анкета рвется. Люба в отчаянии.

ЛЮБА. Ставку мою сократили... Я думала, всего один разок...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. А потом?

ЛЮБА. Потом муж бывший казенную машину разбил, мама слегла, сын на руках...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Вы же хорошо шьете?

ЛЮБА. Столько не нашьешь. У меня потом еще брат в историю попал... Что вы на меня так смотрите? Фильм «Красотка» все видели? Это не та профессия, о которой мечтаешь с детства.

Люба распахивает плащ, а под ним - «рабочая» униформа: кружевная эффектная комбинация и чулки на подвязках. Женщины ахают.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. То есть, днем учительница, ночью – мучительница?

ЛЮБА. Я же сказала, из школы сразу уволилась. Вы не подумайте, что я с каждым встречным. У меня даже один помощник депутата был. Я очень даже ВИП.

АГРАФЕНА. Вип – это в машине?

ТАНЯ. На мотоцикле. Деревня...

ЛЮБА. Я сейчас на бухгалтерские курсы коплю. Честно. Только там не говорите, хорошо?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Вы и, правда, глупая.

ЛЮБА. Да, глупая! И доверчивая! Я верю людям! Мне и сейчас не всегда платят, а я все равно верю!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Бывают гробокопатели философы, а у нас ночная бабочка-лирик...

ЛЮБА. А вы – мегера и провокатор!

Люба набрасывается на Софью Андреевну и пытается вырвать ей волосы. Та не остается в долгу.

ЛЮБА. Не смей, никогда не смей меня так называть!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. А как?

ЛЮБА. Я - Прекрасная Дама! Из группы риска!

Аграфена и Таня разнимают дерущихся. В этот момент открывается дверь и возвращается Нина.

НИНА. Там же все слышно! Вы чего?

Люба и Софья Андреевна прекращают драку.

ЛЮБА. Просто поспорили. Мне Жорж Санд больше нравится, а ей Джейн Остен. Так что там у него с руками?

НИНА. Нормально все. Только, кажется... по шесть пальцев.

Женщины испуганно переглядываются.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Может, у вас двоится?

ЛЮБА (*Софье Андреевне*). Страшно?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*кивая на мигающую лампу*). Иди, симулируй восторг!

Люба в ужасе оглядывается на лампу.

ЛЮБА. Вот, из-за вас переодеться не успела! Задержите его, отвлеките!

Люба бросается в туалет переодеваться. Лампа продолжает мигать.

НИНА. Надо зайти и что-нибудь наврать.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Уже и так правды с три короба!

Появляется Дженифер.

ДЖЕНИФЕР. В чем дело? Где Лубов? Куда пропала Лубов?

НИНА. Ой, если бы знать, куда она каждый раз пропадает...

ДЖЕНИФЕР. Каждый раз?

НИНА. А Люба сейчас переоденется и придет!

ДЖЕНИФЕР (*обрадовано*). Если она не появиться немедленно, она исключаться!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Я пока могу рассказать тот рецепт... из топора.

ТАНЯ. А я про студенческие котлеты!

АГРАФЕНА. А я еще раз спою для мистера Кинга! (*Запевает, направляясь к двери.*)

ДЖЕНИФЕР (*хватая Аграфену за рукав*). Замолчать! Вы уже пела!

НИНА (*направляясь к дверям*). А я станцую!

ДЖЕНИФЕР (*силой останавливает Нину*). Не смей! Я знаю, как вы танцевать! Все, что могли, вы уже показать!

Аграфена снова запекает. Дженифер достает черный блокнот.

ДЖЕНИФЕР. Тихо! Я просить всех замолчать! (*Аграфене и Нине.*) Вам и вам я выписывать штрафные очки!

НИНА. Ты мне очки не втирай, кунсткамера! Начальнику твоему не с блокнотом жить! (*Тычет пальцем в блокнот Дженифер.*)

ДЖЕНИФЕР (*перепугано*). То, что вы сказать сейчас... это было хамство? Я хамство не выносить! Не выносить...

Дженифер внезапно начинает плакать, садится на пол, обхватывает голову руками. Женщины обступают ее.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*Нине*). Что вы натворили? Не надо было пить!

НИНА. Откуда мне знать, что они такие... нежные?

ДЖЕНИФЕР (*сквозь слезы*). Меня предупредить! Я не верила!

НИНА. Милая моя, ты хамства настоящего не слыхала!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*строго*). Нина!

ДЖЕНИФЕР. У меня нет иммунитет... О, это страшно!

ТАНЯ. А вы Синицу сразу включайте!

ДЖЕНИФЕР. Я преднамеренно не умею!

НИНА (*Дженифер*). Ну, хочешь, ответь мне? На всю катушку! Я – рот на замок!

ДЖЕНИФЕР. Это поможет? (*Женщины кивают.*) Я не умею... Где Лубов?

НИНА (*в панике*). Где Лубов? Тьфу, по-английски заговорила! Она сейчас на всех нажалуется!

ДЖЕНИФЕР. Где Лубов? Где Лубов... (*Приплакивая, скрывается за дверь.*)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Появляется Люба в белом платье «Монро». (За образец принят известный кадр из фильма: внезапный порыв воздуха из люка нью-йоркской подземки приподнимает платье Мерилин, а она тщетно пытается его удержать.)

Люба устанавливает на полу вентилятор, пытается включить. Прибор издает противное жужжание и произвольно выключается. К Любе подходит мистер Кинг в отечественной полицейской фуражке, отбирает вентилятор. Возможно, от волнения Люба вспомнила свои трения с законом...

ЛЮБА (*досадуя на сломанный вентилятор, себе*). Ешкин кот!

ЛАЙОН КИНГ. Капитан Котоешкин! (*Отбирает вентилятор.*) А вот и улика.

ЛЮБА. Ой, вас повысили! Поздравляю!

ЛАЙОН КИНГ. Кто бы меня еще поздравил! Дожили. (*Осматривая вентилятор.*)

Прихватила из номера, гражданин Власова? Воровство в особо мелких?

ЛЮБА. Это из дома!

ЛАЙОН КИНГ. А если проверить? (*Достает из кармана сложенный тетрадный листок.*) Вот! Совпадает инвентарный номер! Ну, все тащат! Зачем тебе эта жужжалка?

ЛЮБА. Чтобы... (*Приподнимает платье.*) Я собиралась вернуть!

ЛАЙОН КИНГ (*присаживается к столу, кладет перед собой лист бумаги*). А я собирался «Войну и мир» написать. Продолжение. А мне говорят: спроса не будет. При каких обстоятельствах оказалась в гостинице в номере тринадцать?

ЛЮБА. Вы же знаете, при каких. Я влюбляюсь... по типу камикадзе.

ЛАЙОН КИНГ (*стучит ручкой по столу*). На французский не переходим!

ЛЮБА. Я как бы растворяюсь в мужчине. Умею его выслушать. У нас ведь как считается? Если мужчина вдруг начал откровенничать, это либо рассказы о службе в армии, либо просто вранье.

ЛАЙОН КИНГ. А если душа болит? У человека при исполнении она тоже имеется!

ЛЮБА. Вот именно! Я знаю столько маленьких мужских историй... (*Понимает, что сболтнула лишнее.*) Ой... У меня просто много друзей-мужчин. Бывших коллег по работе. В школах у нас одни мужчины, женщины не выдерживают. Сидим, бывало, в перерыве, чай гоняем... то да се... И как начнут они про жен рассказывать... Жены у нас какие? Чуть что, хват за скалку, хрясть по голове... Не разобравшись... Я считаю, в России мужчин угнетает непонимание.

ЛАЙОН КИНГ. А в какой стране нас понимают? Под воду ушла уже та земля! Антонида!

ЛЮБА. Со мной вы можете говорить обо всем! Я пойму. И пожалею. У нас это близко-близко: люблю и жалею. Мне даже этих - из соседнего профсоюза - жалко.

(«Незаметно» подглядывает в сложенную гармошку-шпаргалку). «Почему ты ни разу не попытался написать мне?» – пишет Оскар Уайльд своему дорогому Альфреду из королевской тюрьмы.

ЛАЙОН КИНГ. Кто пишет? Черчилль? Шпион английский? Вот, как вы, женщины, умеете все перевернуть! Только поговорили, что полы надо менять в летней кухне, и сразу без перехода: сомалийские пираты захватили катер «Отважный»! Еще раз спрашиваю: почему возле гостиницы «Тюрьма», тьфу, «Голубые терема» ошивалась, Власова?

ЛЮБА. А я объясню! «Ты, безусловно, знал, - пишет Уайльд, - как заставил меня страдать, и как я чувствую это. В целом мире нет такой тюрьмы, куда Любовь не могла бы пробиться».

ЛАЙОН КИНГ *(указывая на Любу).* Да, Люба, она тараном, она пробьется!

ЛЮБА. «Если ты не понял этого, ты ничего не знаешь о Любви!» Он – гениальный писатель, а это ничтожество не может за два года черкнуть ему полстраницы!

ЛАЙОН КИНГ. Так это элементарно! Баклан – не лебедь, карманник – не танкист.

ЛЮБА. На меня в этом смысле вы можете положиться.

ЛАЙОН КИНГ. Это был сейчас личный намек?

ЛЮБА. Если бы намек, вы бы поняли. Ой, не слушайте меня, это не своими словами, это я цитату из журнала выписала, вот... *(Достает шпаргалку из-под парика.)* Вот еще одна... мужская история. *(Предъявляет еще одну шпаргалку.)*

ЛАЙОН КИНГ. Шпаргалки?

ЛЮБА. Ученикам не позволяла пользоваться, и сама не умею.

ЛАЙОН КИНГ *(зачитывает шпаргалку с протокольной интонацией).* «Я привез тебе из-за границы духов, очень хороших. Приезжай за ними...» Контрабанда?

ЛЮБА. Чехов зовет свою любимую в Ялту! *(Выхватывает шпаргалку, читает).* «Это ничего, что ты влюблена в другого и уже изменила мне, я прощу тебя, только приезжай, пожалуйста. Слышишь, собака? Я ведь тебя люблю!» Он, гений, заранее прощает!

ЛАЙОН КИНГ *(отбирает шпаргалку).* Собака? Я тоже гений.

ЛЮБА *(зачитывает другую шпаргалку).* А вот Ремарк. «Твой день рождения, любимая, я отпраздную не разными крепкими напитками до одури – нет, я вылью в озеро лучшую бутылку вина из тех, что найду в своем погребке...»

ЛАЙОН КИНГ *(отбирает шпаргалку).* В озеро? Так и пишет?

ЛЮБА (*зачитывает*). «...Ну, вот, приближается врач со шприцом, будь счастлива любимая, никогда, никогда не покидай меня, это разорвет меня на части! Любимая, давай никогда не умирать!» (*Смахивает слезу.*)

ЛАЙОН КИНГ (*тоже вытирает глаза*). Ладно, Власова. Вылил в озеро...Собака... (*Забирает Любины шпаргалки.*) На досуге почитаю. (*Передает Любе вентилятор.*)

«Ветерок» занесешь. Расписывайся. Твое счастье, что я литературу люблю.

ЛЮБА (*долго что-то пишет в протоколе*). А несчастье в том, что я слишком люблю мужчин. Я не могу вам сказать почему, но ни в коем случае меня не выбирайте! Хотя... Говорят, из таких, как я, получаются хорошие жены.

ЛАЙОН КИНГ (*глядя в протокол*). Что ты мне тут сочинила? Лав? Бай?

ЛЮБА. Это песня, ее Мэрилин поет!

ЛАЙОН КИНГ (*пытается прочесть*). Ай вона... би... лавд... бай... ю... Да я уже майором в столице должен быть!

ЛЮБА (*с чувством, соблазняя*). Я хочу быть любима тобой. Только тобой!

ЛАЙОН КИНГ. Ай ... вона... би... кид... бай...ю...Джаст ю!

ЛЮБА. Хочу быть вся зацелована тобой. Одним тобой!

Копируя Монро, Люба напевает и приглашает мистера Кинга к танцу.

ЛЮБА. I couldn't aspire,
To anything higher,
Than to feel the desire,
To make you my own,
Ba-dum-ba-dum-ba-doodly-dum-boo!

I wanna be loved by you, just you,
Nobody else but you,
I wanna be loved by you,
ba-deedly-deedly-deedly-dum-ba-boop-bee-doop

В этот момент вентилятор самопроизвольно включается. Платье приподнимается. Люба игриво прикрывает ноги.

ЛЮБА. Я ничего не делала! Он сам!

ЛАЙОН КИНГ (*обнимает Любу*). Сам, конечно!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Женщины подслушивают у дверей. Внезапно появляется Дженифер.

ДЖЕНИФЕР (*с нарастающей агрессией*). Маленький совет!

Женщины дружно достают блокноты.

ДЖЕНИФЕР. Не надо предлагать мистеру Кингу полностью на себя положиться.

НИНА (*подмигивая остальным*). Молодец, Любаша!

ДЖЕНИФЕР. Не надо верность и носить передачи! Мистер Кинг не собираться в тюрьму.

НИНА. Вообще не надо верности?

ДЖЕНИФЕР. На этот вопрос у вас есть хорошая поговорка: где двое, там и третий не лишний. Вы поняли?

НИНА. Ес, сто верст не крюк!

ДЖЕНИФЕР. Не надо передергивать! Я знаю, что бывает, когда собака в огород! Шиворот-навыворот! (*Себе.*) Соте, фондю, эльзасский профитроль...

Дженифер подходит к двери.

НИНА. Стала соображать. Фондю...

АГРАФЕНА. Переживает по-своему.

ДЖЕНИФЕР (*оглядываясь на Нину*). Вы говорить обо мне за моя спина. Это есть плохой воспитание. (*С горечью.*) Очень плохой. Горячее парфе!

Дженифер уходит.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*Нине*). Ну, что ты опять!

НИНА. Ишь, разобиделся наш ванильный крендель! Даже штраф не выписала.

Извини, мадам! (*Направляется к дверям.*)

АГРАФЕНА (*останавливая Нину*). Куда? Ты уже там была!

НИНА. А о чем тогда говорить? Все темы перебрали...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Не надо говорить. Помолчим! (*Тяжело вздыхает.*) О-хо-хо-хо-хо-хо-хо...иногда такой нигилизм...

НИНА (*продолжая тему*). Пофигизм самый натуральный!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. ...такая нечуткость, будто сердце у тебя из груди вынимают...

АГРАФЕНА. Деньги из кошелька вытаскивают! Последние!

НИНА. ...я говорю, как же ты жить будешь, если сигареты как следует спрятать не можешь?!

АГРАФЕНА. ...с этой математикой хоть плачь! Разложила на полу картошку, говорю, складывай! А они в футбол!

ТАНЯ (*недовольно*). Опять про детей!

АГРАФЕНА. А ты слушай, слушай. Опыт за плечами не носить!

ТАНЯ. Дался мне ваш опыт!

НИНА. А куда ты денешься? Ты из этой банки уже сколько огурцов наловила?

АГРАФЕНА. Меня за мальчишками тоже на соленое тянуло. А за Настенькой – на моченые яблоки.

НИНА. А я штукатурку прямо когтями...

ТАНЯ. Ой...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Плохо?

ТАНЯ. Воды...

АГРАФЕНА. У меня покрепче есть.

ТАНЯ. Меня и так тошнит! Не ходи за мной!

Таня выбегает в туалет.

АГРАФЕНА. На лоб приложить!

НИНА (*Аграфене*). Что там у тебя есть? Мне уже можно.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Вам уже хватит.

НИНА. Кончай командовать, энциклопедия!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Вот выберут вас в жены, а вы под столом! Валявшись...

НИНА. Точно! Чего я вообще с вами как с равными хороводюсь? Давайте, девчата, расходитесь, по домам, по домам...

АГРАФЕНА. Вот кому надо домой, так это Татьяне.

Возвращается Татьяна.

ТАНЯ. И не мечтайте! Беременность – не болезнь! С кастингом на рекламу чулок меня прокатили, но мужчину с пиастрами я вам, старым кошелкам, уступать не собираюсь! *(Подходит к Софье Андреевне вплотную.)* Ты у нас идешь последняя?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. И что?

ТАНЯ. Только попробуй мне помешать! *(Помолчав.)* Мне лучше в тюрьму, чем домой. Кто в нашем поселке живет, все равно в тюрьме работает. Или на заводе бытовой химии. Рассказать?

АГРАФЕНА. А отец-то ребеночка знает?

ТАНЯ. Какой отец? Рассказать?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Не надо. Мы поняли. А вот как ты его обманывать собираешься? Миллионеры считать умеют.

ТАНЯ. А может, я... не из-за денег! Вдруг он мне как человек понравится?

Пауза. Женщины непонимающе уставились на Таню.

ТАНЯ. Он писатель. Значит, гуманист. Все поймет...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. С гуманистами в повседневной жизни большие сложности.

ТАНЯ. Как это?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Рулетка, пьянство, женщины... Рассказать?

ТАНЯ *(указывая на портрет супругов Толстых)*. Но, по крайней мере, Лев Николаевич и Софья Андреевна душа в душу жили! Он ей перстень подарил! Я фотографию видела. С рубином и бриллиантами. За «Анну Каренину».

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. «Думала нынче поехать к Илье, проститься со всеми и спокойно лечь где-нибудь на рельсы». Это из ее дневника. *(Кивает на портрет Софьи Андреевны.)* Ничего не напоминает?

ТАНЯ. Это все литературные анекдоты!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Источники надежные!

ТАНЯ. Я знаю одно: он просто мужчина, а я просто женщина! Красивая!

Женщины надвигаются на Таню единым фронтом.

НИНА. Умучает ревностью!

ТАНЯ. Молодая!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. На каждом шагу будет пользоваться твоей неопытностью!

ТАНЯ. Я буду много читать!

НИНА. Затоскует по смотрящей в рот идиотке!

АГРАФЕНА. И однажды ты заметишь, что он реже стал просить есть!

ТАНЯ. Ну и что?

АГРАФЕНА. У другой столоваться начал!

Пауза.

ТАНЯ. Не может быть, чтобы все были такими...

НИНА. А ты думаешь, чего мы тут все сидим?!

ТАНЯ. Отойдите от меня! Я не хочу этого слушать! Не хочу!

В этот момент открывается дверь и входит Люба.

ЛЮБА. Чего вы на девчонку набросились?

Таня бросается к Любе.

ТАНЯ. Очень старый?

ЛЮБА. На лбу написано «не дождетесь».

ТАНЯ. А тесты? Про светскую жизнь спрашивал?

ЛЮБА. Сказала, жить в глухомани - моя мечта. Чтобы мужчин в округе за пять километров не было. По-моему, пережала.

НИНА. Точно пережала. Пять километров...

Зажигается сигнальная лампа. Таня в испуге обхватывает голову руками.

ТАНЯ. Так, светская жизнь, светская жизнь...

Аграфена протягивает Тане пакетик конфет.

АГРАФЕНА. Конфеты возьми! Если затошнит.

ЛЮБА. Расслабься. Просто будь собой. Нет, живот все-таки втягивай.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Мистер Кинг в белом медицинском халате ловко передвигает по столу три непрозрачных стакана, катая ими шарик. Врач, играющий за рабочим столом в «наперстки», сильно озадачил Таню. Она заметно нервничает, вряд ли осознавая, кто перед ней. В руках у Тани малиновый берет и пакет с конфетами.

ТАНЯ. Я пришла к вам, как к отцу. (*«Доктор» удивленно смотрит на Таню.*)

Психоанализа.

ЛАЙОН КИНГ (*указывая на стаканы*). Где?

ТАНЯ. Здесь!

ЛАЙОН КИНГ (*поднимает стакан, там пусто*). Сто монет!

ТАНЯ. Это шутка? (*Достает из пакета конфету, разворачивает.*)

ЛАЙОН КИНГ. Жаловаться на себя - надо платить. (*Тожже достает конфету из Таниного пакета*).

ТАНЯ (*приподнимает стаканы, обнаруживает два шарика*). Их же два! Доктор, вы жульничаете!

ЛАЙОН КИНГ (*ударяет Таню неврологическим молоточком по пальцам*). Я тебе больше скажу: то, чем я занимаюсь – вообще не наука, а болезнь, выдающая себя за лекарство. (*Смеется.*)

ТАНЯ. Но меня мучают странные сны. На вас вся надежда! (*Доктор сильнее бьет Таню молоточком.*) Да вы что! Больно!

ЛАЙОН КИНГ. Думай, что чувствуешь! Ладно, рассказывай, чего там у тебя.

Любовь?

ТАНЯ (*кивает*). Мне так тревожно. И эти... скачки настроения.

ЛАЙОН КИНГ. Мелкие тревоги – пустяк. И второе правило. Все тревоги – мелкие (*Хихикает.*) А любовь – это давать то, чего у тебя нет, тому, кого ты не знаешь!

(*Смеется.*)

ТАНЯ. Раньше вы так не писали.

ЛАЙОН КИНГ. Это мелким шрифтом.

ТАНЯ (*дождавшись, пока «доктор» отсмеется*). Два месяца назад я залете... Ой, это оговорка, по вам... В меня вселилась литературная душа, да еще какая! Я чувствую себя Татьяной Лариной!

ЛАЙОН КИНГ (*записывает*). Ух! Коллега Юнг обзавидуется.

ТАНЯ. Начало как у всех. А дальше Татьяна своему любимому пишет письмо: «Чего же боле, что я могу еще сказать? Теперь я знаю, в вашей воле меня презрением наказать...» Накаркала. Наказал по полной программе. «Но я не создан для блаженства... Напрасны ваши совершенства...» А если бы она была на тот момент беременна? Совсем чуть-чуть!

ЛАЙОН КИНГ. Коллега Юнг будет драться за вас.

ТАНЯ. Спасибо, Танина родня подсуетилась, отвезли ее в Питер, и там, на балу, ее заприметил старый генерал. И стала она княгиня. А тут и Евгений, наездившись по заграницам, завернул на родину и... вот так встреча! «Кто там в малиновом берете с послом испанским говорит?» И вдруг с Таней происходит субли...

ЛАЙОН КИНГ. Только не это слово! На дверях читала? Когда я слышу «сублимация», кусаю пациента!

ТАНЯ. Раньше вы так не утверждали!

ЛАЙОН КИНГ. Накопились поправки!

ТАНЯ. Поняла. И тут на балу объявляют белый испанский танец. (*Надевает берет.*) Во фламенко что главное? Каждый удар – это слово, которое ты хочешь сказать мужчине! (*Танцует, вколачивая в пол каблук.*) Теперь-то Евгений понял, что потерял! И так сублими... Ой!

«Доктор» с животным рыком угрожает наброситься на Таню. Она отскакивает на безопасное расстояние.

ТАНЯ. «Ужель та самая Татьяна?» Ужель! «Урок ваш выслушала я, сегодня очередь моя!» Теперь у меня модные вечера и прочая ветошь маскарада! Адюльтера не будет! «Я другому отдана, и буду век ему верна!» Вы и будете этим другим, согласны?

ЛАЙОН КИНГ. Конечно! Свободный человек сам выбирает свою зависимость!

ТАНЯ. План такой. Я выхожу за вас замуж, меняю гардероб...

ЛАЙОН КИНГ. Когда юная девушка произносит «гардероб», почему-то похоже на гроб.

ТАНЯ. Дальше вы устраиваете городской бал. Типа дворянское собрание, сейчас это модно. Он туда обязательно притащится, он же профессорский сынок.

ЛАЙОН КИНГ. Бал, молодая жена... И сердце бьется в упоенье, и для него воскресли вновь...

ТАНЯ. Я буду не только вашей женой, но и вдовой!

Таня ударяет мистера Кинга молоточком по голове.

ЛАЙОН КИНГ (*оседая на стол*). И жизнь, и слезы, и любовь!

ТАНЯ (*сильнее ударяет молоточком «врача» по голове*). Вам лучше дома оставаться и страниц по двадцать в день писать, учитывая возраст. Я сама поеду в эту деревню французскую... слово красивое, на журавля похоже. Сейчас туда все мотаются, как на работу. Вспомнила, Куршевель! Он мне часто снится, представляете? А я ни разу там не была. Будто иду я по центральной Курортной улице, погода – теплень, плюс восемь, шуба нараспашку, под ней воздушная блузка, леопардовые горнолыжные брюки, сапожки со стразами, в ушах – лучшие друзья девушек, в руках – карликовая вредная собачка, и она так ав, ав, ав... Подхожу к вершине горы, встаю на лыжи, и катят они легко, как санки в детстве. А рядом ребеночек едет, кажется, мальчик. Я боюсь, что он упадет, хочу его защитить, но он все равно поскальзывается и летит в пропасть. И укоризненно так повторяет: эх, мама, мама... В этом месте я всегда просыпаюсь. И думаю: к чему бы это все? (*Тормошит «доктора»*.) Эй... Если знаете, не тяните с ответом. Мне нужно поскорее. Как можно скорее! На этой неделе последний срок...

ЛАЙОН КИНГ (*очнувшись*). Вздохать и думать про себя, когда же черт возьмет тебя!

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Женщины сидят молча. Дверь резко распахивается, влетает Дженифер. Но возле дверей никого нет.

ДЖЕНИФЕР *(со злобой)*. Маленький совет!

Аграфена, Нина и Люба не реагируют. Одна Софья Андреевна подбегает к Дженифер с блокнотом.

ДЖЕНИФЕР *(срывается на крик)*. Встать! На первый-второй... Сорри! Ледиз! Мэйк э лайн!

Переглядываясь, женщины нехотя выстраиваются в линию.

ДЖЕНИФЕР. Пожалуйста, не надо рассказывать литературную классику!

НИНА *(Любе)*. Ну, Танька дает...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Почему?

ДЖЕНИФЕР. Мистер Кинг не узнавать сюжет и расстраиваться.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. В моем пересказе он узнает!

ДЖЕНИФЕР. На этот случай у вас есть хорошее выражение: не надо грузить! Вы поняли?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Вполне.

ДЖЕНИФЕР *(остальным)*. А кто не слушал меня, - черный блокнот!

НИНА *(толкает Любу)*. А давай его отберем? Достала, стукачка!

ЛЮБА. Синица может и врезать!

НИНА. А мы ее ошциплем!

Люба кивает. Женщины плотнее окружают Дженифер.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА *(остальным)*. Женщины, дорогие, так нельзя!

НИНА. Выслуживаешься? У тебя одной нет замечаний?

ДЖЕНИФЕР *(крепче прижимая блокнот)*. Не надо, пожалуйста, не надо... Я вас просить...

Нина протягивает руку за блокнотом, и тогда Дженифер наносит ей неожиданный удар в стиле восточных единоборств. Люба пытается защитить Нину и тоже получает удар. Но тут сзади к Дженифер подкрадывается Аграфена и надевает ей на голову мешок для мусора. Дженифер сразу прекращает драку.

ДЖЕНИФЕР (*кричит*). А-а-а! Не надо! На помощь! У меня клаустрофобия!

АГРАФЕНА. Чего у нее?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Боязнь закрытого пространства! Освободите ее, скорее!

Женщины освобождают Дженифер от пакета. Она пытается идти, но у нее головокружение.

НИНА. Мы же в шутку! А ты драться!

ДЖЕНИФЕР. Это была самооборона!

НИНА. Никто на тебя не нападал! Жаловаться будем твоему мистеру!

ДЖЕНИФЕР (*в крайнем волнении*). Нет, нет, не надо ничего говорить мистер Кинг, пожалуйста! Он не должен знать, что я... я так себя вела с его невестами...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Мы не будем жаловаться, а вы не будете показывать ему блокнот, хорошо?

ДЖЕНИФЕР. Да, да! Мы договариваться! Я забыть слово... Слет ведьм?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Шабаш?

НИНА. Баш на баш!

ДЖЕНИФЕР. Да! Баш на баш! Мы договорились! Баш на баш. Я прятать блокнот.

Баш на баш...(*Себе.*) Лапша удон, медовый терьяки...

Плохо ориентируясь в пространстве, Дженифер уходит.

НИНА (*вслед Дженифер*). Все хуже и хуже. А ведь сразу и незаметно было...

(*Софье Андреевне.*) Значит, и про литературу нашему жениху не надо. Больно переборчивый. Правду, выходит, ты говорила, про жизнь с писателями... А сама в омут сигануть хочешь! Как так?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Они – гении.

НИНА. Значит, им прощаем. А наш?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*отрицательно качая головой*). Нет.

АГРАФЕНА (*разочарованно*). Батюшки!

НИНА. Ну, дела...

ЛЮБА. Откуда тебе знать?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Я его читала. В подлиннике.

АГРАФЕНА. И про что этот полдни... эта писанина?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Нашествие киборгов, пауки с Альдебарана...

АГРАФЕНА. Так-то без жены...

ЛЮБА. Каких только фантазий у мужчин не бывает...

НИНА. Пауки, бараны... Как же он «Войну и мир» с таким суповым набором писать собрался? *(Кивает на рекламу полуфабрикатов.)* Полуфабрикант!

ЛЮБА *(кивая на Софью Андреевну)*. А она ему надиктует.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА *(Любе)*. Я возьму вас в кухарки.

У Софьи Андреевны звонит мобильный телефон. Она отходит в сторонку, при этом ее сумочка остается на столике.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА *(в трубку)*. Что случилось? Нет, не закончилось. Скоро. Сейчас не совсем удобно, я приду и все прочту. Я не знаю, во сколько. Сам сможешь разогреть? Умница. Целую. Ничуть не сухо. *(Оглядываясь на конкуренток, тише.)* Я не могу! Ну, хорошо, целую Бобика. Да, Мальвина целует своего Бобика.

Софья Андреевна, наконец, заканчивает разговор.

НИНА. Ну? И кто у нас мопсик? Извиняюсь, бобик?

ЛЮБА. Только не говори, что дворняжка.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Не буду. Это мой муж.

ВСЕ *(хором)*. Муж?!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Мы разведены только на бумаге. Я здесь, чтобы заработать на издание его книг.

ЛЮБА. А если я... если кто-нибудь из нас... скажет... *(Указывает на дверь.)*

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Кто скажет? *(Идет в наступление.)* Одна - мужа отравила...

АГРАФЕНА *(защищаясь)*. Сам, своей смертью!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Другая дважды бабушка с алкогольной зависимостью!

Третья чужого ребенка хочет навязать! *(Любе.)* Может, ты?

НИНА. Наконец-то, на «ты» перешла. А то выкаешь, как не родным.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Да вы просто банда какая-то!

Произнеся эти роковые слова, Софья Андреевна внезапно хватается за сердце. Ищет глазами свою сумочку. До столика, на котором она лежит, всего несколько шагов, но сделать их женщина не в силах.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА *(сдавленным голосом)*. Моя сумочка... пожалуйста... там лекарство...

Никто не двигается с места. Кажется, страшная пауза длится вечность. Женщины переглядываются. Наконец, Люба не выдерживает и решительно подходит к столику. Открывает сумочку, находит лекарство.

ЛЮБА. Это?

Софья Андреевна кивает. Тут и Нина с Аграфеной выходят из оцепенения.

АГРАФЕНА. Что ж мы стоим-то!

НИНА. Надо на диван.

Женщины помогают Софье Андреевне дойти до дивана. Люба капает в стаканчик лекарство. Аграфена машет над Софьей Андреевной газетой, Нина прикладывает к своей фляжке и прыскает на нее водкой.

НИНА. Сонь, ты как?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Отпускает...

АГРАФЕНА. Ну, напугала! Прямо до смерти.

НИНА *(Аграфене)*. Сплюнь! *(Софье Андреевне)*. А ты плюнула бы на своего бобика!

Его что, без твоих денег не напечатают?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Нет.

НИНА. погоди. Говорила, из любого полена можешь лауреата выстругать?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Только не из него.

НИНА. Знаешь что, подруга... Извини если невпопад скажу... гнала бы ты этого барбоса по-хорошему. *(Обращаясь к остальным.)* Правда?

Женщины согласно кивают.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Не могу.

ВСЕ (*хором*). Почему?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Я... люблю его.

Женщины дружно вздыхают. Появляется Таня.

ТАНЯ. Просили сразу заходить.

Софья Андреевна пытается встать. Это удается ей с трудом. Нина и Аграфена ей помогают.

НИНА. Не так резко. Рванула... горная лань...

АГРАФЕНА. Потихонечку, потихонечку...

Доведя до дверей, Нина и Аграфена буквально вталкивают Софью Андреевну на рандеву с женихом. Но она внезапно бросается обратно.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Люба! Спасибо тебе.

ЛЮБА (*примирительно*). Иди уже! Мальвина...

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Софья Андреевна нарезает овощи для супа. Высыпает их в кастрюлю. Шаловливый Бобик, он же мистер Кинг, крутится рядом, жонглирует помидорами, выхватывает ломтики морковки из-под ножа Мальвины. Возможно, на голове его – шапочка с собачьими ушами.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Не вертись! У меня нож в руках! Петь не буду, танцевать тоже. Про экологию прочитаешь в газетах. Я расскажу тебе, мой дружочек, какое впечатление произвел на меня твой последний роман.

Бобик с готовностью приносит Мальвине в зубах тетрадку.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*листая тетрадку*). Оговорюсь сразу: я очень строга в оценках. Поэтому приготовься услышать правду, какой бы она не была. (*Делает вдох-выдох, как перед стартом.*) Ты - талант! Талантище!

Бобик, смущаясь, благодарно тявкает.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Да, да, и не надо смущаться! Я поняла это сразу, с первых страниц. Взять хотя бы эпизод, когда героиню похищают инопланетяне, чтобы она зачала космическое дитя, которое спасет мир от глобальной катастрофы. Сколько раз использовался этот ход? Десятки, если не сотни. Если бы ты просто заимствовал по строчке из чужих источников... Но ты, двоечник, творил сам! Ходульные образы, убогий язык, вымученная интрига... (*Швыряет тетрадку на пол.*) Получай, Бобик!

Бобик, жалобно скуля, бросается поднимать тетрадку.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Простите... Простите, мне продолжать?

Бобик приносит тетрадку снова.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Спасибо. (*Дотрагивается до сердца, потом до головы.*) Начала правильно, с беззастенчивой грубой лести, а потом вдруг что-то екнуло внутри...

Бобик дважды гавкает.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Что? И с вами такое бывает?

Бобик гавкает три раза.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Да, конечно, я помогу вам со стилистикой. Долгими зимними вечерами Буратино будет макать свой деревянный нос в чернильницу и переписывать под надзором Мальвины свой беспомощный опус...

Софья Андреевна снова далеко отшвыривает тетрадку. Бобик бросается за ней.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Ой, опять. Извините. Я сегодня не в форме.

Бобик возмущенно гавкает.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Кто такой Бобик? Он – той же породы, что и вы. Уши - один в один. Я расскажу вам эту страшную сказку с самого начала. Давным-давно Мальвина сама была подающей надежды молодой писательницей. Но Бобик завидовал ее успеху, и она стала писать вместо него под его фамилией. Вначале этот обман устраивал Бобика.

Бобик радостно тявкает.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Но со временем у него развился комплекс неполноценности. (*Бобик разваливается на стуле, стучит кулаком по столу.*) Он загрустил, плохо спал и подолгу смотрел на Луну. И тогда Мальвина, оставив свою карьеру, стала учить писать Бобика. Началась кропотливая работа, день за днем, год за годом... Мальвина выбивалась из сил, но Бобика все равно не печатали. Сначала он злился, потом как-то обмяк, разленился, стал куда-то пропадать. А однажды, - Мальвина как раз нарезала морковку для супа, - Бобик подошел к ней и...

Бобик, высмотрев кого-то в зале, заинтересованно улыбается.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. ...и заявил, что встретил другую. Молодую красивую Болонку. Мальвина резко повернулась, чтобы посмотреть предателю в глаза и случайно... так уж вышло... задела ножом его ухо.

Бобик хватается за ухо, жалобно скулит.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*подходит к Бобику, ласково гладит его по голове*). Вскоре Болонка раскусила, что за фрукт Бобик, и он вернулся обратно к Мальвине. Они

помирились. Но царапина за левым ухом осталась. Осталось чувство вины, которое Мальвина все время пытается загладить.

Бобик отстраняется от Мальвины, сердито гавкает, уходит за сцену.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Конечно, она давно убедилась: не только коты не могут знать алгебру, но и собаки не пишут романов. Но ведь когда любишь, веришь в невозможное! Мальвина верит, и готова за умеренную плату лупить линейкой по пальцам богатого Буратино. *(Кричит.)* Если вы все еще хотите улучшить свой литературный стиль, заготовьте побольше чернил и баночку для слез! Может, у вас и получится.

Появляется мистер Кинг с трехлитровой банкой в руках.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Претендентки – Аграфена, Нина, Люба и Таня – ждут окончания кастинга. На злословие и выяснение отношений сил уже не осталось. Подогнув ноги, Таня дремлет на диване. Нина пытается расслабиться с помощью замысловатых спортивных упражнений, напоминающих занятия йогой. Согнувшись в три погибели, она никак не может распрямиться.

НИНА. Ой, не могу!

Женщины, кроме спящей Тани, бросаются на помощь.

АГРАФЕНА. Тебе помочь или не мешать?

НИНА. Скорее! *(Наконец распрямляется.)* Ой, спасибо. Не получилась сегодня... белая лилия... А вот так, если бы сама? Как распутаться?

АГРАФЕНА. То-то и оно. Не распутаться нам. Который час? У кого время есть?

НИНА. Уже два.

АНРАФЕНА. Ну, ладно... Хорошо с вами, девчата, но мне пора.

Аграфена начинает собирать в свою безразмерную сумку остатки еды.

НИНА. Далеко собралась?

АГРАФЕНА. Шустрики мои уже со школы притопали голодные. А мамка по иностранцам загуляла. Как путана какая... *(Любе.)* Ой, извини! Вечером-то их уложат, а утром мне самой их в школу собирать. Надо скорее на вокзал.

ЛЮБА. А если судьба? Сама говорила, понравился.

АГРАФЕНА. Видный мужчина. И про детей все спрашивал...

ЛЮБА. Ну?

АГРАФЕНА. Не по мне это все. Как мы друг к дружке обращаться будем? Он мне: гутен морген, фрау мадам! А я ему: ваше сиятельство, пахать подано! Тут городская нужна... *(Снимает нарядный сарафан.)*

ЛЮБА. Мы не знаем его вкусов! Какие там тараканы. У меня на работе случай был...

НИНА *(Любе)*. Помолчи со своей работой! *(Аграфене.)* Груня, зря! Хоть Софью Андреевну дождись.

АГРАФЕНА. Подожду.

Аграфена усаживается в кресло.

ЛЮБА. Если честно, я тоже не представляю, как мы с ним...

НИНА. Если ты не представляешь...

ЛЮБА. Как мы с ним ругаться будем! Лично я люблю и начало, и середину, и конец ссоры. И чтоб неделю потом - перестрелка. Самыми необходимыми фразами. А у них в кино только и слышно: «Как ты себя чувствуешь, дорогая?» «Сиди, я сам!»

НИНА. Меня в гости позовешь. Я тебе устрою. У меня такое начало, а середина...

Ой, волнуюсь я за Соньку. Хоть бы ее опять не прихватило.

Появляется Софья Андреевна.

НИНА. Ты как раз вовремя. Тут кое-кто из-под венца бежать собрался.

Нина указывает пальцем на Любу и Аграфену.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Меня заодно проводите? Голова еще кружится...

ЛЮБА. Не понравился?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Почему? Очень понравился. И я ему. Но...

НИНА. Но?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Тане нужнее!

Все оборачиваются на дремлющую Таню.

НИНА. И я про это все время думаю. Танюха! Просыпайся, замуж пора!

ТАНЯ (*сонно*). Уже?

НИНА. Мы сейчас разбежимся по-тихому, а ты останешься. И выбирать он будет из тебя и тебя.

ТАНЯ. Нет, не бросайте меня! Я с вами!

НИНА. С ума сошла? Тебе двадцать скоро, а ты такие корки мочишь!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Не о себе, о ребенке подумай!

АГРАФЕНА. С жильем, не пьющий...

ЛЮБА. Одежды купишь, мир повидаешь...

ТАНЯ. Все так. Только... я любить его не буду. (*Закрывает лицо руками.*) Девочки, любви хочется!!!

Пауза. Женщины тяжело вздыхают.

НИНА (*Тане, успокаивая*). Будет у тебя еще любовь. А пока... Переезжай ко мне.

Старшая моя у мужа, а с младшей мы и в одной комнате уживемся.

ТАНЯ. Я? К тебе?

НИНА. И не возражай! Ты мне этим только поможешь. А то у меня такое чувство, будто я живу и работаю, чтобы по выходным с напарницей на кухне дорогим ликером напиваться.

АГРАФЕНА. А ко мне на лето с ребеночком просим! У нас и лес, и речка, и парное молоко!

ЛЮБА. А я нянчить помогу. Днем-то я свободна. А ты учебу не бросай, даже не думай!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Если родится мальчик, назови Львом. Я его с трех лет французскому обучу. В жизни пригодится.

НИНА. Ну, чего молчишь, Татьяна?

ТАНЯ. Я... я согласна.

Нина обнимает Таню.

НИНА. Ес! Это надо отметить! Грунь, поищи по сусекам!

АГРАФЕНА. Я сейчас!

Аграфена торжественно извлекает из сумки бутылку водки.

НИНА. И молчала!

АГРАФЕНА. Мужу на годовщину купила.

В этот момент входит Дженифер. В ужасе смотрит на бутылку. Все замолкают.

НИНА. Мы тут... на сосну лазили Москву смотреть. А это, чтоб не страшно.

ДЖЕНИФЕР (*слабеющим голосом*). Лэдиз, атэншн, плиз. Прошу построиться в линия. Мистер Кинг все обдумать и скоро принять решение.

С этими словами Дженифер неожиданно грохается в обморок.

АГРАФЕНА. Батюшки! Чего это с ней? Опять заснула?

Таня хватается папку и начинает размахивать над Дженифер.

ТАНЯ. Мы ничего такого не говорили! (*Любе*). Вентилятор твой где?

ЛЮБА (*отмахивается*). Да от него толку! Это обморок! (*Софье Андреевне*).

Может ей твоих сердечных капель?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Нельзя! Мы не знаем диагноз. Надо звонить в скорую! И предупредить, что она иностранка.

НИНА. Может, его позвать?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Правильно!

Аграфена брызгает на Дженифер водой. Нина направляется к двери, но в этот момент Дженифер оживает.

ДЖЕНИФЕР (*истерично*). Не надо! Не говорить ему! Я вам запрещать!

НИНА. Ну, все, стою, стою, ты не волнуйся, главное...

ДЖЕНИФЕР. Он не должен видеть, как мне больно!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Где больно? Сердце?

ДЖЕНИФЕР. Нет. Здесь! Мне болеть ваш бренд.

АГРАФЕНА. Какой еще бред?

ДЖЕНИФЕР. Душа...

ВСЕ (*переглядываясь*). Душа?

Дженифер резко встает, приводит себя в порядок.

ДЖЕНИФЕР (*снова переходит на официальный тон*). Это личное. Извините. Я была не должна. I beg your pardon! Извините еще раз. Я переволноваться, потому что именно сейчас мистер Кинг делать свой выбор.

НИНА. Мы уже все обдумали и выбрали. Другое у нас тут кино. «В банде только девушки» называется.

ЛЮБА (*уточняя*). Плохие девушки!

НИНА. Тире – роскошные женщины!

ДЖЕНИФЕР. Вы все – банда?

НИНА. Передай мистеру... в общем, не пойдем мы замуж. Это как кафешку на Луне открыть: все хорошо, но атмосферы нет.

ДЖЕНИФЕР (*в изумлении*). Вы отказывать мистер Кинг?!

НИНА. Хороший он мужчина, правда, хороший, но не лев. Не нужен нам берег нездешний. (*К подругам.*) Скажите, девушки, подруге нашей!

Женщины выражают одобрение.

НИНА (*Дженифер*). Нам тут своих в люди выводить надо.

ДЖЕНИФЕР (*в глубоком возмущении*). Вы... вы... вы не смейте говорить мистер Кинг не лев! Он самый сильный, самый красивый, самый... я забыла слово... он сам себя ранить!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Ранимый.

ДЖЕНИФЕР. Да! И он бывает... как это сказать... дрожать как лань!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Трепетный.

ДЖЕНИФЕР. Да!

АГРАФЕНА (*Софье Андреевне*). Как ее зовут, я забыла?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Дженифер.

Аграфена подходит к Дженифер.

АГРАФЕНА. Ты не переживай так, Женя. Вон как исхудала!

ЛЮБА (*Дженифер*). Скажи, ты ведь любишь его? (*Пауза.*) Поэтому и просила нас не петь, не плясать, блокнот завела?

Дженифер переводит взгляд с одной соперницы на другую. Затем закрывает лицо руками.

ДЖЕНИФЕР. Я не должна вас грузить...

НИНА. Лучше выговорись! А то бомбейская картошка, японские пельмени и привет! Так тебя точно синица заклюет!

ЛЮБА. Тебя ведь это мучит? Увидишь, станет легче.

ДЖЕНИФЕР. Я была студентка, изучала русский язык, а он тогда еще преподавать. Я полюбила его так, как может любить некрасивая женщина. Один раз и на всю жизнь. И он мне ответил! Любить красавицу может любой. Любить меня – нужна фантазия. Это акт творчества. У мистер Кинг очень много фантазии! Ой, я забывать русские слова... от волнения... We couldn*t date openly. Very strict regulations at the university.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*переводит остальным*). В университете были строгие правила. Они не могли открыто встречаться.

ТАНЯ. Так и у нас эти правила!

ДЖЕНИФЕР. Это называться forbidden fruit!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Запретный плод.

ДЖЕНИФЕР. Знаете?

НИНА. Рвали.

ДЖЕНИФЕР. Этот плод имел неземной вкус... У моей бабушки на острове Парадиз...

ТАНЯ. В раю?

ДЖЕНИФЕР. ...во дворе росла очень редкая груша. Похожа на ананас. У нее был такой же вкус. Но прошло время. Я окончила университет. Больше не было запрет, больше не надо было скрывать свои чувства... и...

НИНА. Груша (*изображает «усыхание»*) усохла?

ДЖЕНИФЕР. Чтобы сохранить этот вкус, мистер Кинг попросил меня всегда выглядеть, как студентка. I must keep fit! Keep fit!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*переводит остальным*). Она должна быть очень стройной.

ДЖЕНИФЕР. Но я очень, очень люблю есть! I love everything: meat, fish, vegetables, fruit, cookies, milk, chocolate, fast food! Hamburgers, chips, potato!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Даже гамбургеры?

ДЖЕНИФЕР (*показывает*). Кинг-сайз гамбургер!

НИНА. Поэтому (*имитирует дезодорант*) запах еды вытравливала?

ДЖЕНИФЕР. Я боюсь... как это сказать...

ЛЮБА. Сорваться?

ДЖЕНИФЕР. Да, однажды я не выдержала и устроила... я забыла слово... обж...

НИНА. Обжираловку?

ДЖЕНИФЕР. Я съела все, что я хотела: мясо, рыбу...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Не перечисляй, мы поняли.

ДЖЕНИФЕР. I had terrible stomach-ache! I had to go to the hospital.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*переводит*). Попала в больницу.

ДЖЕНИФЕР. Я лежать в больница неделя... (*Пауза.*) Я очень любить есть. Но мистер Кинг я любить больше. Поэтому я сидеть на диета женщин племени Черная Мамба.

Люба хватает ручку и блокнот, чтобы записать про диету.

ДЖЕНИФЕР. Это самая страшная диета в мире! Женщина съедать лишний кусочек, и главный шаман ее тут же съедать на обед!

Люба бросает ручку.

АГРАФЕНА. Бедные мамы! Ты посмотри, что творится! Вот откуда мужской шаманизм пошел!

ТАНЯ. Может, он людоед?!

ДЖЕНИФЕР. Нет-нет! Ему нравится, как я выглядеть. Он на меня смотреть и... как выразить наивысшую степень восторг?

ТАНЯ. Балдеет, в общем!

ДЖЕНИФЕР. Нет, он не глупый!

НИНА. Если не глупый, чего с женитьбой так затянул? Не мальчик!

ЛЮБА. Женщина на глазах чахнет!

ДЖЕНИФЕР. У него идефикс! Жениться только в России!

НИНА. Так и поженитесь. Делов-то! А мы на свадьбе погуляем.

ДЖЕНИФЕР (*в отчаянии*). Но я не русская!

НИНА. Ну, милая моя, у каждого свои недостатки. А давай с нами, за компанию. Здесь у нас своя диета.

Нина протягивает Дженифер пластиковый стаканчик с водкой.

ДЖЕНИФЕР (*нюхает стаканчик*). Это нельзя пить!

НИНА. Это нельзя нюхать! Девчата, не раскисать! (*Выпячивает грудь.*) Синтепон вперед! (*Растопыривает пальцы над головой как корону.*) Включили звезду! И давайте за нас, красавиц!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*глядя на портрет С.А. Толстой*). За женщин, которые помогают гениям! За нашу великую литературу! Стоя!

Женщины чокаются, пьют. Дженифер сильно кашляет.

НИНА (*Дженифер*). Закусывай, закусывай! (*Аграфене.*) Отрежь ей!

Аграфена протягивает Дженифер ломтик грудинки.

АГРАФЕНА. На хлебушек положи.

ДЖЕНИФЕР (*нюхает бутерброд*). Неизвестный продукт?

НИНА. Не бойся! У Груни черный пояс по кулинарии!

ДЖЕНИФЕР (*пробует*). Я снова на острове Парадиз! Райское наслаждение...

НИНА. Это наш сникерс. Энергию дает! Съел и порядок: пять тюков шмотья в газель загружаешь как робот София.

ДЖЕНИФЕР (*Аграфене*). Потом мне рецепт ваш сникерс... (*Поднимает стаканчик*.) Я очень люблю ваши поговорки и сейчас я сказать тост. Выпьем за то... ой, забыла... как будет... чтобы хорошее победило плохое...

НИНА. Бабло победило зло!

Все выражают одобрение.

НИНА. Молодец, Женька! А теперь переодевайся и к нему. (*Аграфене*.) Сарафан твой где?

Аграфена протягивает Дженифер свой сарафан.

АГРАФЕНА. Вот, сама вышивала.

ДЖЕНИФЕР. Вы думать, это поможет?

НИНА. Он же русскую хотел? Березку?

АГРАФЕНА. Будешь Женя Синичкина!

ДЖЕНИФЕР. Я не березка.

ЛЮБА. Женька, сейчас кто-то так заснет! Ерунду не говори! Березы у нас тоже разные.

АГРАФЕНА. Пахать ему сможешь!

ТАНЯ (*протягивает пудру*). Вот пудра! На основе шпаклевки.

НИНА. Давай, не раздумывай! Пока он литературно настроенный. Грунь, кокошник!

ДЖЕНИФЕР. Это тоже надо?

НИНА. В этом самый сок!

Звучат обрядовые песни - «одевание невесты». Женщины помогают Дженифер надеть сарафан и кокошник. Дженифер с удивлением оглядывает себя.

ДЖЕНИФЕР. А что я скажу?

ЛЮБА. Скажи ему: сейчас или никогда!

НИНА. Лучше другое намекни. Если что не так, мы его встретим и такой кастинг устроим... Профайл свой не соберет!

АГРАФЕНА. Ой, смотрите, мигает!

Зажигается сигнальная лампа.

НИНА. Ну, с Богом.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Удачи. Увидишь, у тебя все получится.

ДЖЕНИФЕР *(со слезами на глазах)*. И вам удачи, мои дорогие русские сестры.

Дженифер обнимается со всеми. В дверях еще раз оборачивается, машет на прощание. Наконец, исчезает за дверью. Женщины вздыхают.

НИНА. Ну, что, девчата? Горько?

ВСЕ *(вздыхая)*. Горько...

НИНА. Давайте *(показывает в сторону двери)* за нее!

ЛЮБА. И за нас. *(В зал.)* За всех женщин! За красивых...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. ...умных...

НИНА. ...талантливых!

АГРАФЕНА. Которых у нас не счесть!

ТАНЯ. И стоят они на студенном ветру, как березки в подвенечных саванах.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА *(приобнимая Таню)*. Гнутся, но не ломаются!

Софья Андреевна запекает «Во поле березка стояла». Подруги ее поддерживают, выстраиваются в дружный хоровод. То кружась, то снова вытягиваясь в одну хороводную линию, женщины-березки прощаются с нами.

И вот, наконец, появляется мистер Кинг – улыбчивый, позитивный, в элегантном костюме, длинном богемном шарфе и ковбойских сапогах!

Л А Й О Н К И Н Г *(просматривает статью, хмыкает)*. Кастинг... «Тульский ковбой...» Думаете, я не пытался по-другому? На свадьбу с первой женой нам подарили королевский диван-розарий. В мелкий-мелкий цветочек! И развернулась беспощадная «война алой и белой розы» за власть. Второй брак, как водится, стал триумфом надежды над опытом. С перепугу сквозь следующую связь я пронесся как заднеприводный Корвет в полном

беспамятстве без особых повреждений. Стал осторожнее. Советы
матримониальных психологов, тесты на совместимость... Заканчивалось все
одинаково. (Топают ногой, затем хлопает себя по лбу.) Привет, грабли! Да, снова
я... Вот же оно, счастье, ан, нет, снова опыт... Забросив литературные штудии,
я погрузился в отчаянное сибаритство. Ел, пил под мудреное барокко
Перголези... Та-та-та, та-та-та... И вот, однажды, ближе к полуночи заявили
они. (Указывает вверх.) Заказчики. Да-да, я - опытный контактер! И не верьте,
кто пишет об иных мирах без этого. Прилетели и тук-тук в окошко: «Лайон,
хау ар ю? Сочинил чего новенького?» «Нет, братки по разуму, может, через
месячок». А они: «Месяц у нас за три идет...Порожняком мотаться...» Так, с
укоризной. И у каждого в четырех глазах по зеленой слезе. Позвал в дом,
угощаю. Они на дармовщину горазды, но строгость блюдут: почему не
пишется, что скажете в свое оправдание? Чувствую, живу суетно, не тем с утра
до ночи занят, куда-то бегу, руки растопырив, а ловлю пустоту. Сжимаю
пальцы, а жизнь просачивается. Смысл утратил. Смысл? Они - хохотать. А
почему, говорят, до сих пор не поменял взгляды? Предпочтения? Судьбу? Это
не у вас там, кнопочку нажать! Страшно, говорю им! Я ведь не супермен, как
тут расписали (кивает на газету), я обычный человек, который смертельно
боится совершить последнюю большую ошибку на недлинном земном веку. А
они: бедный ты бедный... И от смеха - в рыдания. Я не знал, что у них так
сильна эмпатия! А потом вдруг жестко: собирайся! И набор личных вещей
космонавта по списку вручают: одноухий заяц - подарок матери, билет на
катерок, где мы впервые поцеловались с одноклассницей и рецепт
замороженного пирога, который я еще в молодости выкрал у конкурента.
Полетишь, говорят, с нами, может, сгодишься на опыты, здесь ты уже
беспольный! За что?! Я и на Земле наказан! Чем больше у тебя денег, тем
плотнее одиночество. В каждом дружеском взгляде только «дай», «дай»,
«дай»... Ты одинок среди людей? Тем более, не жди от бога амнистии, собирай
манатки! Я в ноги им, ну, там, где у них ноги: я ведь не преступник, никого
жизни не лишил, не замучил! Подумаешь, рядом постоял... Приспособился.
Где-то словчил, не вник... Это как в моде – не всегда удается соблюсти грань
между небрежностью и лоском. (Пытается стильно повязать шарф на шее,
путается в нем.) Мерзавец ты, говорят. А не рядом постоял. И руки вяжут.
Братья, кричу им из последних сил, я несчастлив, потому что у меня Музы нет!

Они так с интересом: а кто это? ...Дали мне шанс. А следом и петух прокричал. Вернее, на родине у меня петухи не водились, зато здесь целых два. Белый и рябой. Контртенор и лирический баритон. И Муза, надеюсь, будет.

«...Когда ты взяла меня за руку, произошло чудо. Мир вокруг изменился! Потому что ты – моя судьба! Не отпускай меня, любимая», - об этом поет свое знаменитое «Only you» Элвис Пресли. И под эти пронзительные признания мистер Кинг выводит на поклон каждую из своих березок-невест.

Автор - Наталья Демчик

demchikn@mail.ru

8 965 116 04 58